

РАСКАЗЫ

КАЖДЫЙ МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ СВОЙ РУДИС **Двойная жизнь Гарика Хадеры**

Гарик следил за собой. Сегодня суббота. Спешить некуда. Тщательно обработал ногти на руках. Осмотрел пальцы ног. Тоже кое-что подправил. Гарик не ходил дома в трениках с вытянутыми коленями, как это делали многие в середине шестидесятых. У него был тяжелый махровый халат. Израильский. А может, и бельгийский. Но уж не советского производства, это точно.

Подошел к трюмо. На него смотрело интересное, немного капризное — немного женственное лицо. Хорошо очерченные чувственные губы, причудливый изгиб бровей. Рейсфедером, как щипчиками, аккуратно выдернул из бровей пару волосинок, выбившихся из ряда, и длинную волосину, выросшую на ушной раковине. Маникюрными ножницами аккуратно выстриг пучки растительности в ушах и ноздрях. Вытащил новое лезвие безопасной бритвы «Нева». Станок, хромированный стаканчик для мыльной пены и помазок остались у него от погибшего на войне отца. Побрился, подправил виски. Освежил лицо одеколоном «Шипр», неизменным признаком элегантности того времени. Гарик знал, что этот аромат кружит головы юным красавицам. Осмотрел себя в зеркало: ни одного пореза — высший класс! Кожа чистая — ни угорьков, ни хотимчиков. Эх, причесочка уже поредела, рановато! А какой был в свое время кок!

Мой кок пропитан бриолином,
Сияет, словно антрацит,
И дудочки одеты с мылом,
Я — смерть для обалделых цып¹.

По советским меркам Гарик считался франтом. На работу одевался с иголки, но строго: длинный галстук, скромный, без пирамид и жирафов, и костюм фабрики Володарка. Когда был чуть моложе, слыл «стилягой» — на вечеринки и танцы ходил в шузах на толстенной белой или желтой подошве, в широком на-два-раз-мера-больше твидовом пиджаке, в брюках-дудочках. С возрастом постепенно становился консервативнее в выборе облачения, тем не менее в его одежде всегда было что-то, о чем можно сказать: одет не как все. Импортная фланелевая рубашка без стойки, брюки на молнии, а не на пуговицах, а если не брюки, то

Саша Кругосветов — прозаик, публицист. Родился в 1941 году в г. Галиче Костромской области. Окончил Ленинградский институт точной механики и оптики. Публиковался в «Независимой газете», «Литературной России», «Российском колоколе», на многих интернет-ресурсах. Лауреат Московской литературной премии, Литературной премии имени В. Гиляровского, финалист премии «Нонконформизм-2016» и других. Автор 15 книг. Живет в Санкт-Петербурге.

¹ Равиль Валеев, <http://parnasse.ru/poetry/lyrics/town/stiljaga.html>.

джинсы. Последние появились совсем недавно, покупали их только у фарцы. Никогда не надевал на икры резинки для поддержания простых трикотажных носков. Доставал через знакомых (в магазинах такого не было) импортные носки, которые сами держались на ноге. Не носил «семейных» трусов, платинированного или байкового белья. Нижнее белье покупал у фарцовщиков, а зимой, за неимением теплых импортных кальсон, старался обходиться без них. В мороз — перебежками, от парадной до трамвая, от трамвая до проходной своего Гипролака. К подружкам и их одежде он предъявлял такие же «высокие» требования, особенно — в смысле белья. Так что девушке было непросто угодить этому доморощенному франту. И не только бельем. Потому, наверное, до сих пор и не нашел себе подходящей спутницы жизни. Он стремился не только хорошо одеваться, но и жить, как он говорил, «красиво». Любил, чтобы дома ему изысканно сервировали стол. Ложки, вилки, ножи должны быть только серебряными, сам старался есть в соответствии с правилами этикета. Раздражался, когда домочадцы неверно, по его мнению, пользовались приборами. На столе обязательно должны быть бумажные салфетки, даже если он заскакивал домой на минуту попить чай. Бумажных салфеток в доме всегда было много. Ведь в то время в стране победившего социализма не выпускалась туалетная бумага, в дело шли салфетки — не пользоваться же газетой, как все. Раздражало его и отсутствие в аптеках ассортимента изделий номер два. Перед самыми наиважнейшими свиданиями приходилось опять идти на поклон к фарце и раздобывать что-то поэлегантней.

Гарик был неглупым человеком. Понимал, что он немного нарцисс, а вот брутальность в его облике начисто отсутствует. Дожил — еще немного, и засветится тонзура. Для него это станет полной катастрофой. Был бы брутальным, пожалуйста — короткая стрижка, и никаких проблем. Придется в будущем завести усы. И в себе надо как-то понемногу воспитывать, растить брутальность. И воспитывал, и растил. Поэтому часто говорил нарочито грубо, резко, раздраженно, хотя на самом деле был человеком скорее мягким и ранимым. А вот раздражительность, пожалуй, была вполне в его характере.

— Лёля! Ты дашь мне завтрак? — закричал он, не выходя из комнаты.

Лёля — мать Гарика. Он называет ее или по имени, или по имени-отчеству — Еленой Максимовной. Мамой — только если очень рассердится. После войны осталась Лёля без мужа, без родственников, одна с подростком на руках. В Ростове-на-Дону. Узнала, что в Ленинграде ее двоюродный брат Леонид Львович только что развелся. Детей нет, хвостов нет. Инженер. Скромный, застенчивый, приличный человек. Работа есть, заработок — тоже, и жилплощадь в придачу. К тому же собой недурен. Высокий, кудрявый, только худенький очень. За время войны вообще доходягой стал. Активная Елена Максимовна — в Ленинград и враз женила на себе тихого, интеллигентного Лёнчика. Переехала с сыном к нему.

Для неудачливого Леонида эта женитьба стала неожиданным выигрышем в лотерею. Хохотушка Лёля обожала мужа, холила его, лелеяла. Подкормила — Лёня вообще красавцем стал. Умный, застенчивый красавец. Только немного бесхарактерный. «У меня самый красивый муж, — любила говорить Елена Максимовна и обнимала его прилюдно. Лёня застенчиво улыбался и гладил ее редкие рыжеватые волосенки. — А какой добрый, заботливый, какой умный! Ни у кого нет такого мужа».

Многочисленные сестры Леонида, их мужья и дети очень дружили до войны. А после войны — все остались живы — сплотились еще теснее. Жили врозь, их разбросало по разным районам, у каждой семьи — своя комната в коммуналке, но, по существу, сохранили «большую семью» своих родителей, ушедших к тому времени в мир иной.

Поначалу приняли Лёлю хорошо. Главное, чтобы брат был с ней счастлив. Очень скоро узнали ее дурной характер. Держалась лисичкой, ласковой хохотушкой. Ей нравилось стравливать родственников друг с другом, передавать гадости — «под большим секретом». Ласковая лисичка, ядовитая змея, наглая притворщица, беззащитная врунья — как это все сочеталось в одном человеке? С годами Лёля подурнела: расплылась, волосы стали еще реже, когда-то приятное лицо исказила гримаса постоянного недоверия и злобы. Нашептывала и мужу недобрые слова о сестрах. У того хватило ума не поддаваться на провокации. «Знаешь, Лёля, это мои сестры, они всегда помогали мне, не хочу больше ничего плохого о них слышать». В большой семье знали цену Лёле, но терпели ее. Ради брата.

Леонид не пытался стать Гарику отцом. Относился ровно. Старался помогать. Давал деньги подростку, потом юноше, не жадничал. Да и сейчас редко отказывал пасынку в просьбе. Но в жизнь его не вмешивался. Не поучал, не контролировал. Может, это и хорошо. Гарик почти не помнил отца, а к Леониду относился с большим уважением. Отцом называл редко, чаще — Леонидом Львовичем. Был благодарен, что тот в свое время приютил их с матерью, содержал все эти годы. Сейчас Гарик сам зарабатывал. И давно уже. А в свое время... Лёля в этом своем втором замужестве почти не работала. Инженеры тогда неплохие деньги получали, Леонид один содержал новую семью. Жили по советским меркам достойно, но все равно — достаточно скромно. В меру прижимистому Леониду удалось поэтапно с доплатой поменять свою убогую комнатку в коммуналке на отдельную квартиру, вначале крошечную, потом побольше. Теперь они жили лучше всех родственников. Имели трехкомнатную квартиру на третьем этаже без лифта. В доме времен социалистического конструктивизма на углу Чапаева и Скороходова. Комнаты хоть и небольшие, потолки низкие, но все равно — трехкомнатная квартира! У Гарика — своя комната, у родителей — своя, плюс — гостиная, неслыханный шик по тем временам!

Гарик вышел на кухню. Лёля хлопотала по хозяйству. Муж уже накормлен, теперь твоя очередь — иди, иди, сыночка.

— Лёля, какую гадость ты готовишь. За всю жизнь так и не научилась готовить нормальную пищу, как тебе не стыдно? Ты же не работаешь. Какой едой ты отца кормишь?

— Не нравится? Вот пусть тебя твоя Люда и кормит.

— Люда, в отличие от тебя, хорошо готовит. У нее вкусная пища: не пережаренная, не пересоленная, не переперченная, не сырая... А ты все экономишь, жаришь протухшие яйца и осклизлые сосиски на провонявшем сале или прошлогоднем маргарине... Зачем ты вообще травим нас этим маргарином? На родном сыне экономить? А у Люды всегда все в порядке. И стол она умеет накрыть. И прибирает хорошо. Не то что у тебя: по углам — крошки, пыль... Немытые тарелки стоят до вечера, пока ты соберешься... Хоть бы мужа постыдилась, вместо того чтобы сюсюкать — Лёничка, Лёничка! — лучше бы дома навела порядок. Если б Люда стала здесь хозяйкой, все было бы чисто и аккуратно, а не хлев, как у тебя.

— Далась тебе эта Людка. Не вздумай ее на самом деле хозяйкой к нам привести.

— А чем тебе Людка плоха?

— Кто она такая, Людка эта? Без образования, работает товароведом в каком-то магазине. Канцелярском, что ли? Старше тебя на три года. Коротышка-замухрышка — полтора метра роста. Таких взрослых женщин не бывает в природе.

— Зато у нее все на месте, и мордашка очень даже хорошенькая.

— Что же тебя все так на гоек тянет? И Наташка твоя длинная...

— Я давно с ней не встречаюсь.

— Давно, две недели — очень давно. А Светка? Вчера только к ней бегал. Бегай, бегай, дело молодое, я не возражаю. Не пора ли уже остепениться? Неужели нельзя найти девушку из хорошей еврейской семьи?

— Где же ее найти? «Такую чистую, как мытая посуда, такую умную, как целый том Талмуда». Надо было тогда в Ростове оставаться, а не бежать, задрав хвост, в Ленинград. Там бы нашел.

— Все мать тебе виновата. Захотел, так и здесь нашел бы.

— А чего же ты ничего не говоришь тете Вере об ее Борисе? Он тоже все по какому-то не таким девчонкам бегает. «Не-из-нашего-круга». Можно подумать, мы — какие-то особенные. Говорят, собирается на хохлушке из украинской провинции жениться. Я, кстати, знаком с ней — очаровательная девушка.

— Разве тебя можно сравнивать с Борисом? Он младше на четыре года, а вон смотри, всего уже добился. Зарабатывает — аж двести пятьдесят в месяц, дай бог каждому, а еще на полставки преподает. На днях кандидатскую защищает. Чемпион Ленинграда, спортсмен.

— Я тоже приработок имею. Переводы с английского неплохие деньги дают. Иначе как бы я мог современно одеваться?

— А на работе? Чем ты занимаешься? Какие-то лаки, краски — стыдно людям сказать. Нет чтобы — ракеты, космос... На худой конец — электростанции, мосты... восемь лет работаешь, а все еще старший инженер.

Гарик не любил эти разговоры о работе, тем более — об успехах троюродного брата.

— Ну, хватит, хватит! Несешь, мама, всякую чепуху. Язык-то без костей. Ты не понимаешь, в какой стране мы живем? Куда с фамилией Хадера деться? Будто не знаешь, что мы здесь — люди второго сорта.

— У Боба фамилия тоже не очень — Романов, посмотришь в паспорт — совсем неподходящая фамилия для нашего пролетарского государства, это, однако, не мешало ему пробиться. Ты привык все на кого-то надеяться. Вначале на маму, когда я работала. Сейчас — на Леонида Львовича. Думаешь, я не знаю, что ты у него постоянно деньги клянчишь на новые шмотки?

— Хватит, Лёля, тараторить. Во-первых, деньги Лёне я отдам. А что касается Боба — он в какой отрасли работает? Ракетостроение. А я куда мог распределиться после Текстильного? Только в Гипроизолатор. Хорошо, что сейчас в Гипролак удалось перебраться. Здесь хоть платят получше.

— Боб хорошо распределился, потому что из Точной механики, потому что у него лучший балл на курсе. А ты в Текстильный пошел в свое время, потому что там конкурса не было. В другой вуз тебя бы с твоими тройками не взяли. А я своей глупой головой думаю, что и в Гипролаке можно неплохо зарабатывать. Только захотеть надо.

— Там, в оборонке, к нашему брату по-другому относятся. А я в этом институте — белая ворона. Хоть сто раз из штанов выскочу, все равно не стану человеком первого сорта. Вон к нам молодой специалист пришел — Слава Проваторов. Три года отработал — и вот, пожалуйста — руководитель сектора. У него сектор, а я — старший инженер без группы. Потому что он — Проваторов, а я — Хадера! На прошлой неделе объявили повышение зарплат. Всем повысили, а меня в списке нет. Как же я здесь все ненавижу. Была бы возможность, уехал.

— Ешь, Гарик, ешь. Да не обижайся ты на мать. Я это все говорю для твоей же пользы. Кто у меня в жизни есть? Только ты да Леонид Львович. Брал бы пример с отчима. Работал честно всю жизнь, не хитрил, не воровал, жил скромно, копил. Вот у нас квартира теперь, у тебя отдельная комната. Жену приведешь, детишки появятся — еще одна комната у тебя будет. Небольшая, но все же комната.

— Надоели твои поучения. Помолчи уже. Неужели необходимо каждый раз объяснять, что происходит? Лучше посуду помой, наша кухня и так свилярник напоминает.

Наступило неловкое молчание. Лёля обиженно громыхла кастрюлями. Гарик пил горячий чай с лимоном. Дожевывая бутерброд с куском «Докторской» колбасы цвета пожелтевшей на солнце бумаги, он вспоминал тот неприятный разговор с начальником отдела о повышении зарплаты. Гарик, конечно, так просто это не оставил, он подошел к начальнику и с присущей ему прямоотой и смелостью спросил, почему его нет в списке на повышение зарплаты? Николай Николаевич, руководитель отдела, мягкий, интеллигентный человек, говорил с ним на этот раз очень резко.

— Знаете что, Хадера! Вам хоть раз задерживали зарплату? Нет. Вам хоть раз уменьшили премию? Нет. Вам хоть раз сделали замечание? Нет, нет и нет! А что хорошего вы сделали для коллектива? Ни одну работу вам поручить нельзя.

— А что? Было хоть-раз-такое, чтобы я с чем-то не справился?

— Вы, Игорь Валентинович, — хороший специалист. Только свою работу делаете вместо недели месяц, вместо месяца — полгода.

— Зато тщательно.

— Не знаю уж, тщательно или нет, а только я вижу, что вместо работы вы все время переводами занимаетесь. И другие тоже видят — не дураки.

— Разве проживет взрослый мужчина на зарплату старшего инженера? Платили бы хорошо, так и не занимался бы переводами.

— Если бы да кабы... Все по курилкам бегаєте...

— Да я не курю.

— Не курите, а бегаєте. Обсудите все международные события, косточки всем сотрудникам перемоете. Мне тоже достаётся, будто я не знаю. А при выезде на овощебазу все работают, картофель, морковь перебирают, а вы сидите для галочки, боитесь ручки свои испачкать, вон у вас ручки-то какие холеные, только что лаком ногти не покрываете.

— Да все так работают на овощебазе, только видимость создают. Вы ко мне несправедливы, Николай Николаевич.

— Несправедлив, несправедлив... Я из-за вас чуть выговор по партийной линии не получил, мне это надо? Секретарь парткома приехал на овощную базу вместе с директором и говорит мне: «Что это Хадера вырядился, как на танцы. Все работают, а он просто номер отбывает».

— Теперь будете указывать, как надо одеваться? Прошли те времена. Достали вы меня своей пропагандой.

— А вы — меня. Идите, Хадера, и работайте. И мой вам совет: поменьше выступайте, а то попадете под сокращение.

Вот такие довольно-таки неприятные воспоминания посетили ухоженную головку Гарика Хадеры, когда раздался телефонный звонок. Звонила Люда.

Люда — девушка Гарика. Одна из... Часто заскакивает к нему после работы. Иногда остается на ночь. Очень быстрая. Между делом успеваєт сообразить по хозяйству с десятком разных дел: сбегать за продуктами, что-то приготовить, сделать небольшую постирушку.

— Игорь, не ешь ты мамину стряпню. Разве это суп? Одна томатная паста. Я тебе сейчас что-нибудь приготовлю. Да нет, Елена Максимовна, я сама Игоря накормлю. А что у тебя из грязного? Я знаю, ты не любишь два дня носить одни трусики. Давай, давай постираю. Здесь на загрузку машины не потянет. Я вручную, как раньше. Елена Максимовна, что там у вас со стиркой? И ваше, и что там у Леонида Львовича? Давайте, давайте.

Лёля рада, любит прокатиться на шармачка. Тацит розовые штаны с начесом, нижнее белье Леонида, носки, кухонные полотенца.

Забезит, накормит, постирает, приборет — удобный человек. Гарик принимает все как должное.

— Какие планы на сегодня, Игорь?

— На сегодня? Послушай, Люда, на сегодня ты свободна.

— А как у тебя с обедом?

— У меня есть обед.

— Как с продуктами?

— Да не надо мне ничего, у меня все есть.

— Суббота, хорошая погода.

— Мало ли что суббота, мало ли что хорошая погода. Людочка, я тебе уже все сказал: я сегодня занят.

— Какие могут быть дела в субботу?

— Да, дела. У меня дела.

— А как насчет завтра?

— Завтра? Не знаю, созвонимся. До завтра еще дожить надо.

— Ты, наверное, опять к Свете собрался.

— Далась тебе Светка — это же Эллочка-людоедка. Знает только два слова: «хо-хо!» и «кrrрасота!».

— И чего же ты за ней бегаешь?

— Слаб человек, Людочка, слаб! Успокойся, я со Светкой не встречаюсь. Ко мне Аркадий приезжает, соученик из Ростова. Город покажу.

— Говори, говори. Ну, хорошо. Со Светой так со Светой. Все равно она тебя бортанет, как и Наташка. Кто твой характер терпеть будет?

— Ну, а если и к Светке, так что, ты возражаешь?

— Иди, иди. Ищешь себе приключений. Не мальчик уже. На прическу свою посмотри.

— Все, Люда, все. Свободна. Адё.

«А ведь и правда, кто, кроме нее, будет терпеть мой характер?» — подумал Гарик. В этот раз правда, он действительно вовсе не собирался к Светлане. Какая разница, однако? *Все события этого дня — перепалка с матерью, воспоминания о неприятном разговоре на работе, неуклюжая попытка отшить Люду — проходили как бы мимо него, словно и не его это была жизнь. С одной стороны — вроде злился, волновался, переживал, с другой — как будто все это происходило где-то далеко-далеко, будто совсем его не касалось.*

Надо бы развеяться, встряхнуться. Встретился с Аркадием, вызвонили Лариску, дальнюю родственницу Гарика. Лариске тоже почти тридцать, не замужем, почему не познакомить ее с Аркадием? Провели втроем весь день, болтались по городу, ели мороженое. Пообедали в хорошей кафешке. Говорили о высоком. Лариска любит ходить на выставки, в филармонию, посещает лекции в Эрмитаже и Русском музее. Ой, какая интересная выставка Рубенса, ой, какая интересная выставка Ван-Дейка! А в филармонии... Ах, как Мравинский дирижирует!

Гарика и Аркадия это не особенно интересовало. Их немного смешили эти ахи и охи. Лариска — некрасивая, нескладная, бедра широкие, на лице — толстый слой штукатурки, на губах — яркая помада, при всем при том что-то в ней все-таки есть, аппетитная женщина, ничего не скажешь. За разговорами об искусстве Лариске трудно скрывать горячий интерес к двум молодым мужчинам. А мужчины, конечно, — «за», почему не потискать любительницу искусств? «Что за милка, просто

чудо. Одни груди по два пуда». Маяковский, между прочим. Так что мы тоже культурные да начитанные!

Пошли в кино. Сели в стороне от других зрителей. Великовозрастные балбесы попробовали залезть под юбку Лариске. Та не возражала. Ответила, так сказать, взаимностью. Ручки шаловливые ответили взаимностью сначала одному, потом другому соседу. Потом болтались по вечернему городу. Аркадий был не против «продолжения банкета», может, и Лариска не против, а куда податься, в одну комнату с ее матерью в коммуналке? Погуляли и разошлись. В Советском Союзе, как известно, не было секса. Мужчины посмеялись, вспоминая маленькое приключение.

— Вот, говорят, считается хорошо, если у женщины большие глаза, — разглагольствовал Аркадий. — Глаза у Лариски большие, а впечатления не производят. Может, потому что навывкате? А барышня вроде не из робких.

— Какая там робость? Отбреет любого — так, что мало не покажется. Ах, ты это имел в виду? Конечно, она давно созрела для личной жизни, даже перезрела. Не хочешь жениться?

— Если б в Ростове, можно было бы подумать. А так... Далеко будет бегать целоваться. И жилплощади у нее всего ничего, считай, что нет. А сам-то ты что о ней думаешь?

— Да нет, несерьезно это. Не пара мы. Да и не хотел бы я, чтобы личная жизнь — у родственников на виду. У нас знаешь как? Все обо всем лучше всех других понимают. И на все случаи жизни советы готовы. Армянское радио спрашивают, можно ли изнасыловать дэвушку на площади? Нэт, нэльзя — советчиков много. Так и здесь.

Настроение у Гарика было неважное. попрощался с Аркадием. Вернулся домой. Достал любимые «Двенадцать стульев». Эта книга появилась у него еще в пятидесятые годы, когда считалась запрещенной литературой. Теперь неизвестно, разрешена ли она. Во всяком случае, на полках магазинов и ни-у-кого-из-знакомых этой книги не найти. Гарик любил юмор, часто цитировал сценки Райкина: «может быть, может быть», «в греческом зале, в греческом зале». И словечки из «Двенадцати стульев» тоже. Обычно чтение шедевра Ильфа и Петрова утешало его и примиряло с жизнью. Но не сегодня. На душе тревожно почему-то. Больно уж все в этой книге похоже на нашу теперешнюю советскую действительность. Ничего не изменилось. Хорошо бы сейчас Людку под бочок. Он всегда успокаивался рядом с ней. А сейчас что делать? *В последние несколько дней ему снились эти страшные, пугающие сны. А вдруг он станет кричать, метаться во сне? Напугает женщину. Да и как он сможет все это объяснить?*

* * *

Кашил проснулся, как всегда, на рассвете. Ощущение, что он — какой-то «таинственный» Игорь², только что, несколько минут назад еще живший в далеком северном городе, постепенно рассеивалось. Вернее, он помнил ту, другую жизнь, но она почему-то отходила на задний план, отстранялась, отступала в какую-то затемненную нишу, буд-то это был только сон. Вот она здесь — его, Кашила, настоящая жизнь.

*Кашил походил по комнате. Да-да, у него теперь комната, удобная мебель, пре-восходная кровать. Был бы семейным, дали бы еще одну или несколько комнат. Когда три года назад его купила на невольничьем рынке *ludi gladiatoriae*³, ему дали небольшую каменную клетушку без окон. Дверь тоже отсутствовала, свет поступал через*

² Имя Игорь означает «тайна».

³ Школа гладиаторов.

дверной проем. А из если-можно-так-выразиться-обстановки — только куча грязного сена на полу. Сколько грязи, низости и жестокости он видел за эти годы!

Рядом с его комнатой лестница на второй этаж. Там живут: ланиста⁴, лекарь, массажист и наставники гладиаторов. Сейчас у Кашила есть окно. Через него виден тренировочный плац в окружении барачков, различных строений, в которых располагаются кухня, *satiarium*⁵ для ремонта и изготовления доспехов, *spoliarium* — место, куда относят тела убитых на арене, другие строения. Вся территория лудия обнесена овальным забором и находится под неусыпным контролем ликторов⁶ — прокуратору Кипроса⁷ второй Спартак не нужен. Недалеко от школы — амфитеатр Куриум, где устраиваются гладиаторские бои, а дальше, до горизонта, без конца и края, — ярко-синий массив *Mare Nostrum*⁸.

Восемь лет назад Кашила⁹ взяли в плен его африканские соседи — банту, продали вначале зулусам, потом эфиопам, потом иудеям, народу Книги. Почему ланиста решил купить у евреев низкорослого бушмена?¹⁰ Кашил — крепкий, ладный. Но крошечный! В гладиаторы берут не просто рослых — огромных! Ланиста, толстый старый грек, понимал толк в мунеру¹¹, он решил: вот хохотать будут люди — карлик против великана, Давид против Голиафа! К тому же покупка «малыша» у евреев обошлась ему в сущие пустяки.

Его определили в ретиарию¹². У ретиариев нет ни щита, ни шлема. На левой руке, которая держит сеть, — кожаный рукав и металлический наплечник, защищавший плечо и голову. Из оружия — трезубец, или копьё, или просто кинжал. Первый бой был с огромным фракийцем, вооруженным щитом и гладиусом¹³. На голове фракийца — шлем с изображением рыбы, железный нарукавник на правой руке, поножи и ремни на ногах. Гладиаторы подсмеивались над Кашилом перед его выходом. Особенно, аукторы¹⁴: «Не робей, Кашил, все встретимся в споляриуме». Стадион дружно хохотал, когда крошечный ретиарий появился на арене. Фракиец Нигидий Май вращал мечом, щитом, делал эффектные фигуры и выпады. Зрители ликовали. Казалось, Кашил обречен. Ему приходилось уклоняться, падать, отскакивать и даже отбегать. Зрители кричали: «Не беги, бушмен, сражайся и умирай! Бей его, Нигидий! Жги! Почему он так трусит мечей и ударов? Почему сам не хочет храбро убивать? Почему не умирает с охотой?» Они недооценили выносливость и звериную ловкость лесного человека. Цирк ахнул, когда сеть, брошенная Кашилом, опутала ноги Нигидия. «Не тебя ловлю, а рыбу; убегаешь зачем, фракиец?» — ядовито сказал африканец, рыбок — и гигант уже на спине, а Кашил — на его груди, и нож приставлен к горлу. Нигидий просит миссуса¹⁵. Зрители кричат, поднимают вверх сжатые кулаки, «меч в ножны!», спасают понравившегося им Нигидия.

Потом было много мунеру — с галлами, самнитами, с мурмиллонами. Двадцать пять побед. Кашил, известный своим ядовитым языком, никогда не отличался жес-

⁴ Владелец школы.

⁵ Мастерская.

⁶ Вооруженная охрана.

⁷ Медный остров.

⁸ Дословно: «Наше море», так римляне называли Средиземное море.

⁹ «Скрытый, невидимый» в переводе с бушменского.

¹⁰ «Лесными людьми» называли этих африканцев германские племена фризов и батавов, живших в те времена на территории современной Голландии.

¹¹ Гладиаторские бои.

¹² От слова *rete* — сеть.

¹³ Короткий римский меч.

¹⁴ Свободные люди, добровольно пришедшие в гладиаторы.

¹⁵ Пощада.

токостью. Сколько ему ни кричали *ingula!*¹⁶, он ни разу не добил поверженного противника. Девять ничьих. Проиграл четыре раза, но получил «миссус». Только у великого гладиатора Фламма было больше побед. Ну что сравнивать с Фламмом? Зрители четырежды требовали вручения ему деревянного меча как символа освобождения.

Кашил подошел к бронзовому отполированному зеркалу, покрытому тонким слоем серебра. На него смотрело довольно привлекательное, в чем-то детское лицо с узкими, раскосыми, немного монгольскими глазами и тонкими губами. Редкие волосы на щеках и подбородке. Кожа — светлее, чем у негров, красноватого оттенка. Кашил знал, что «лесные люди» рано старятся и умирают. Не живут дольше сорока лет. Ему тридцать. Выглядит неплохо. Но лицо уже все в морщинах. Немного детское и в то же время — в морщинах, вот ведь как бывает. И курчавая, в мелких колечках копна волос заметно поредела. Кошил следил за собой. Старался всегда выглядеть как золотая монета в шестьдесят сестерциев. Он достал кинжал — единственное оружие, которое разрешалось хранить у себя. Настоящее оружие хранилось в арсенале и выдавалось гладиаторам только перед выходом на арену. Положил на лезвие курчавый черный волос. Дунул — волосок разрезан лезвием на две части. Отлично! Намазал лицо тонким слоем жидкой глины и побрил. Вот это класс — ни одного пореза. Отполировал гладышем ногти рук и ног, пятки — шершавой пензой. Помылся. Вода всегда хранилась у него в страусовом яйце, оплетенном тонкими кожаными лентами. Как бывший житель пустыни, он понимал ценность воды и следил, чтобы она всегда была в наличии.

Сегодня суббота — свободный день. Нет ни тренировок, ни боев. Мунеру — завтра, а сегодня он свободен. Кашилу разрешалось покидать *ludi gladiatoriae*. Это ведь остров Кипрос, «медный остров», рабу некуда отсюда бежать. Все равно найдут и жестоко накажут. Кашил долго выбирал одежду. Того в городе ему, гладиатору и рабу, носить нельзя. Только на арене. В случае победы, при вручении пальмовой ветви. Он выбрал лучшую тунику с вертикальными пурпурными полосами и разноцветной вышивкой по краям, кожаный пояс, украшенный бронзовыми бляшками с изображением Ромула, сандалии из лучшей кожи. На голову — кожаную ленточку с тиснением. Зашел к повару.

— Все спят по субботам, ты первый, Кашил.

— Спят лентяи. Только и думают, как бы набить брюхо и поспать. А придет день поединка «мунус» — и конец их жирному брюху. Воин должен много тренироваться и мало спать. Дай поесть.

— Это не проблема. Ячменная каша всегда есть. Может, хочешь бобов?

— Я ведь просил тебя приготовить «лесному человеку» личинок термитов или хотя бы пожарить саранчу. И даже дал тебе две половинки сестерция за это.

— Где я найду твоих варварских термитов? А саранчу ловить для тебя я уже стар. Забирай свои полсестерция.

— Давай и вторую половинку, старый хитрец. И корми поскорее этой ужасной затвердевшей ячменной кашей.

— Что-то ты разболтался больно, «лесной человек». На тебя это не похоже.

— Завтра мунус, завтра — великий день «лесного человека». Если римские боги не отвернутся от меня, если мое оружие будет иметь успех, я получу деревянный меч Рудис, я стану свободным.

— Глупец, что ты будешь делать со своим Рудисом? Все равно вернешься обратно в школу. Ты не сможешь жить свободным гражданином, ты умеешь только убивать.

— У меня есть деньги. Куплю дом, женюсь.

— Где ты найдешь женщину, которая согласится стать женой африканца? И чем ты станешь заниматься?

¹⁶ Добей!

— Буду толмачом. Я знаю языки. Африканские. Латынь, греческий. Иврит. Немного — языки галлов и саксов.

— Знаю, знаю, ты с великаном Саксом не разлей вода.

— Сакс научил меня языку своего племени.

— Ну, иди, раз решил. Не забудь — вечером объявят о поединках на следующий день. Ты должен вернуться до темноты. Иначе вместо Рудиса тебя жддут колодки и наказание каленым железом.

Кашил бродил по рынку Пафоса. Купил себе лакомства — жареных кузнечиков и личинки муравьев. Надо хорошо подготовиться к завтрашнему дню. Он вспомнил свою инициацию, тогда ему исполнилось двенадцать лет. Кашил дал клятву верности вождю племени. Съел, как и положено, шарик сгущенного млечного сока опийного мака. Танцевал вместе с шаманом и впал в неистовство. Он чувствовал такой прилив сил, что прыгал выше самой высокой пальмы.

На греческом рынке все есть. Купил шарик затвердевшего макового сока. Завтра он съест его перед самым главным сражением своей жизни. Глупые мурмиллоны! Кому из них по силам победить «лесного человека»? Кашил может на солнцепеке часами бегать и сражаться. Он не потеет и не устает. У него самые крепкие пальцы. Ни один богатырь не может натянуть тетиву бушменского лука. И попасть стрелой в глаз леопарду.

Посетители рынка узнавали Кашила. Его приветствовали, с ним шутили, его хлопали по плечу. Торговцы угощали его вином. Тем не менее он оставался для них человеком, который торговал своим телом, рабом, гладиатором... Одним словом — второй сорт. Им восхищались с оттенком презрения, которое могут себе позволить по отношению к рабу свободные граждане Римской империи. Пусть не патриции, пусть торговцы, пусть даже простые служащие, пусть бродяги, чернь, но — свободны-е-гражд-да-не! Это он увеселяет их, рискует своей жизнью на арене.

Мимо прошла молодая гречанка. Такого же роста, как невысокий Кашил. Он догнал ее, дотронулся до плеча.

— Люда, это ты?

Почему в его памяти возникло это незнакомое имя?

Женщина испуганно посмотрела на него:

— Какая Люда, что ты хочешь? Я не знаю тебя.

Схватила свои корзины и убежала. «Вот на такой женщине ты и должен жениться, Кошил», — сказал он сам себе. Гладиатор направился в район, где можно найти проституток. Обитательниц борделей звали *lirae*¹⁷, а сами бордели назывались *lirapagia*. В лупанарий. Отдыхать так отдыхать. Незаметный вход с улицы. Женщины принимают на втором этаже, у входа в свои комнаты. Гречанки отказываются его принять. Местные женщины не любят африканцев — ходят слухи, что африканцы могут принести дурную болезнь. Гладиатор зашел в несколько лупанариев. В одном из них у порога комнаты его встретила еврейка с красной свечой в руке. Кашил вспомнил, как однажды один знакомый христианин сказал ему: «Красный цвет — символ стыда и бесчестия». Какой может быть стыд в борделе?

Он обратился к блуднице на иврите.

— Пожалуйста, я не возражаю, — ответила она безучастно. — Мне все равно: с черным или с белым.

Некрасивая, нескладная, бедра широкие, большие глаза навывкате. Лицо набеленное, щеки подкрашены киноварью, глаза обведены сажей. Губы — тоже киноварью, на языке лупанария это означает предложение оральной любви. Завязанный сзади красный

¹⁷ Волчица.

пояс, называемый *tatillare*, поднимает вверх почти оголенные груди иудейки. Груды крепкие, с рельефными сосками. Кошилу захотелось эту женщину.

— Меня зовут Аларра, — сказала она; его именем, однако, не поинтересовалась.

Он дал ей купленный за два сестерция здесь же, в борделе, спинтрий, бордельную марку, на которой изображена поза, в которой клиент хотел бы получить услугу.

— Здесь нарисована поза *сзади*. Нет уж, эти варварские африканские обычаи нам ни к чему. За этим иди к гречанкам. Если хочешь со мной, давай спинтрий за четыре сестерция и, пожалуйста, делай свое дело, как принято среди иудеев — лицом к лицу. А за два — только лишь оральная любовь.

Согласились лицом к лицу — за четыре. Маленькая комнатка украшена картинами совокуплений. Надпись: «*Nic habitat felicitas*»¹⁸. Короткое каменное ложе, на котором только истертый соломенный матрас. Любить на таком ложе тесно и неудобно. Кашил постарался скорее сделать свое дело. Не получил никакого удовольствия. Обещанное наслаждение обошло его стороной. Кашил — не из стеснительных. Тут же, при Аларре помылся, привел себя в порядок. Уходя от проститутки, вспоминал, как часами предавался любовным утехам с бушменскими женщинами, без усталости занимаясь делом-угодным-богам-плодородия-и-духам-лесным.

День клонился к вечеру. Вернулся до темноты.

Ланиста Децил Валент вызвал к себе Кашила. Прямая надменная спина, холодное враждебное лицо.

— Завтра бой с Саксом.

— Почему с Саксом? Мы же друзья.

— Ну и оставайтесь друзьями. Завтра венацио¹⁹. Выпустим на вас зверей.

— Ну и хорошо! Бушмен не боится зверей.

— Вряд ли тебе понравится то, что я скажу. Это будет африканский слон. Огромный самец.

— Разве могут два гладиатора завалить африканского слона?

— Вас будет десять человек.

— Для чего ты это делаешь, Децил? Это же смерть. Ты ведь знаешь, у меня завтра последний бой. Я хочу получить свою пальмовую ветвь, свой круг почета в тоге и свой Рудис.

— Мало ли что ты хочешь, вонючий пигмей.

— Я не пигмей.

— Дай руки.

Старый грек привязал руки Кашила веревками к колонне.

— У тебя свободы больше, чем у любого бойца моего *ludi gladiatoriae*. Хочешь еще свободы?

Ударил ладонью по лицу.

— Получи свою свободу. Нравится? — насмешливо и злобно сказал он.

Потом взял нож и стал размахивать им перед носом Кашила.

— Пигмей, грязный, вонючий пигмей! Свободы захотел, жалкий карлик? Ему захотелось свободы! Ты еще хочешь свободы, пигмей?

Бушмен ловко уворачивался от лезвия, однако руки, привязанные к столбу, сдерживали его движения, и один раз конец ножа все же чиркнул по плечу гладиатора. Как ни странно, это неожиданно успокоило ланисту. Калечить гладиатора перед боем не входило в его намерения. Он развязал веревки на руках Кашила.

— Ладно, не злись. Это не связано с тобой. Мне предложили хорошую цену за бой «идущих на смерть» с дикими зверьми и африканским слоном. Против слона будут де-

¹⁸ Здесь обитает наслаждение.

¹⁹ Гладиаторские бои с участием людей и животных.

сять человек. Мне надо менять состав. Вы все уже старики. И у меня больше не будет шанса получить за вас такие деньги. А ты вообще боец без будущего, на тебе много не заработаешь.

— А сколько побед я одержал?

— Ты все бегал и бегал. И не прикончил ни одного побежденного. Черни нужна кровь. Или жертва, или герой. Жертва из тебя пока не получилась. Удивляюсь, как ты каждый раз ускользаешь из рук смерти? А герой? Какой ты герой? Шмакодявка... Не нравится? Ну ладно — «крошка, крошка, девочка-подросток!» — так лучше? Хватит разговоров. Убьешь слона — получишь Рудис. Хотя ты этого и не достоин. Иди к лекарю. Пусть промоет рану, прижжет и помажет мазью. Что на руках, синяки от веревок? Ерунда, это тебе не помешает.

— Как я вас всех ненавижу!

— Ишь как заговорил. Если бы не завтрашний бой, наказал бы тебя колодками, а то и каленым железом. Иди уже. И поменьше нос задирай. А то передумаю и накажу все-таки — в назидание другим.

Бешенство и злорада душили Кашила. Децил Валент решил поставить бойца на место. Посмотрим, чья возьмет. Я убью слона. Я помню, как мы это делали в Африке. Возьму короткое копьё и проткну его сердце. Кашил пошел к Саксу и перед сном долго о чем-то шептался с белокурым гигантом.

* * *

Наутро Гарик проснулся с головной болью. Смутно вспоминал сон. Боже, какая ерунда. Что за чушь мне снится? Надо взять отпуск на неделю и отдохнуть. Успокоить нервы. А это что? Почему-то простыня в крови. На плече неглубокая рваная рана. В точности такая же, как у Кашила. Запястья — в синяках и кровоподтеках. Отчетливо, реально до боли ощущал он веревки, стягивавшие и терзавшие его руки прошедшей ночью. Что бы это значило?

Весь день Гарик ходил как потерянный. О порезе никому не сказал. О странных снах — тем более, никогда никому не говорил об этих снах. В голову лезли навязчивые мысли. Завтра — последний бой, завтра все решится. Что решится? Чушь какая. А порез? Где я вчера мог порезаться и почему не заметить этого? Откуда синяки на руках? Какой-то заскок. Ничего такого не могу припомнить. В голове стучало: завтра все решится, завтра все решится. Он не мог отделаться от этой мысли.

Был очень тихим за завтраком. Лёля удивлялась: «Гарик, ты не заболел? Сам на себя не похож». Зашел в комнату Леонида. Долго расспрашивал его о нэпе, о доменной жизни, о войне. Позвонила Светка.

— Светка, до чего же ты глупа, заполошная моя, просто курица безмозглая. Тебе богатенький нужен. Тот, кто умеет гешефт делать. А у инженера откуда деньги могут взяться? Нет и не будет.

Не ругал Гарик подружку, не хамил, вежливо так попрощался. «Ах, Светка, Светка! Не нужен я тебе, — подумал он. — Да и ты мне, глупышка, тоже никак не нужна. Но какие ножки! И нижнее белье — трусики, лифчики, комбинации — все высший класс! У Людки, правда, тоже ничего». Людке позвонил сам. Сказал, что настроение неважное и чувствует себя не очень. «Сегодня я, Людочка, хотел бы побыть один. Извини». Погода была дождливая. Надел плащ, шляпу, поднял воротник, пошел гулять под гнилой ленинградской моросью.

Зашел к тети-Вериному Бобу. Тот жил в коммуналке в одной комнате с родителями. Борис, как всегда, работал — гонял какие-то формулы. Что-то считал, записывал.

«Творит, — с завистью подумал Гарик. — У него всегда было хорошо с математикой. Боб — человек рациональный, а я, видать, — иррациональный».

— Заходи, Гарик.

Борис немного удивился приходу Гарика. Они виделись редко, только по праздникам или семейным торжествам за общим столом. Сам Гарик до сих пор ни разу не заходил. Поговорили о том о сем. Ничего не значащий разговор.

— Вот я книжку принес — «Двенадцать стульев». Не читал? Бери, дарю.

— Спасибо, Гарик. Да вроде с этим уже нет проблем. Ильф и Петров издается, не то что в пятидесятые.

— Ну, не хочешь насовсем — возьми почитать. Потом вернешь. Пожалуйста, читай, сколько хочешь, возвращать не к спеху.

Гарику было не по себе. Бесцельно бродил он по городу до наступления темноты.

Опять это проснулось в нем. Вот оно, нечто! Мысли роились, копошились в его голове, с кровью и стоном переползали одна через другую. Было что-то фатальное в их непрерывном, мучительном и напряженном движении. Он не понимал, что происходит у него внутри, во втором, выросшем как инородная опухоль в голове, враждебном и неподвластном мире. Голову, грудь, сердце стягивала, сжимала тяжелая, медленная сила. Она не расходилась волнами, а билась в нераспутываемом, туго стянутом клубке. Внешний мир пожух, сжался и побледнел. Он постепенно отодвигался, удалялся расходящейся сферой и таял, теряя очертания. Гарику казалось, что он уже в стороне, вне этого мира. Нет, нет, он не станет поддаваться... Силы и злость борьбы не покидали его. Оглянулся по сторонам и увидел все, что было рядом: город, асфальт, стекла, шершавую, бугристую, блестящую воду, незнакомые лица прохожих.

Вдруг что-то произошло. Кровь хлынула к лицу, и прежде чем он осознал, что все-таки случилось, страх уже пылал в каждой клеточке его тела. Почему ты так испугался, чего тебе вообще бояться? Не будь кисейной барышней, вперед, догони, надо догнать этого человека. С надменной прямой спиной. Холодного, неприступного. Враждебное лицо затянато непроницаемой пеленой. Черный жесткий плащ не изменил его.

— Кого? Кого не изменил, кого он напоминает? Ланисту Децила Валента из вчерашнего сна?! Почему он не оставляет меня?

Незнакомец оглянулся, его взгляд блеснул осмысленно, насмешливо и злобно. Вернулся в плащ и слился с толпой. Гость из других миров, может быть, из преисподней? Вряд ли. Исчез, но будет следить... Чтобы «жаркое» не испортилось...

Что за ерунда! Не будь ребенком. Кто может в это поверить? Это ведь только сон, твой собственный сон. Децил Валент! Надо же такое придумать! Мои собственные видения. Меня же и пугают. Видимо, устал. Надо отдохнуть... На море, на море...

Он уже не мог сказать, что было сном — школа гладиаторов, грязь, низость и жестокость, то, что он видел во сне каждую ночь, то, что увидит сегодня, этой ночью, или сон — это его жизнь, всегда довольно приятная, довольно легкая, довольно скучная и одинокая. С однообразной работой, тошнотворными переводами на заказ. С бесконечной погоней за новыми юбками. Со смятыми постелями и запахом пота девушек, у которых, как правило, был один общий недостаток: они не умели хорошо мыться. Это тоже сон — моя довольно одинокая жизнь, маленькая каморка, в которой я заключен вместе со всей своей суетой, крошечный блошинный, местечковый мирок, в который врываются вначале сны, цветные, путанные, потом и люди из этих снов: Децил, повар, Кашил, гречанка с рынка, странная иудейка Аларра...

Вернулся домой. *Завтра все решится. Опять эта дурацкая мысль.* Завтра на работу — вот правильное умозаключение. Хотя, честно говоря, тоже настроения не повышает.

Как быть с плечом и руками? Как это объяснить? Настойчиво твердил сам себе старые аргументы: наверное, возился где-нибудь с приятелями, потом забыл. Он был издерган этими мыслями и выкручен, как мокрое белье. Рухнул в постель и в изнеможении заснул.

* * *

Проснись! Откуда-то издалека мысль с тиканьем регистрировала, что язык незнаком, что обстановка непривычна, непонятно, что это за страна, но тело и голова ориентировались и понимали все, что происходит. Он без удивления оглядывал незнакомые предметы, людей, с первого взгляда узнавал их, как будто он уже владел каким-то древним знанием, давно знал этих людей и сейчас встречался со старыми друзьями. Он находился в подвале с каменными стенами, низкий потолок перекрывали огромные бревна. Лежал на клочках вонючего сена недалеко от каменных ступеней, ведущих наверх, к железной решетке, закрывающей мощно сбитую дверь. Сквозь щели входа мутный воздух прокалывали полосы света, играющие на мокрых от испарений, черных камнях. Вокруг он видел возбужденные лица друзей, таких же, как он, потных и грязных. Громко крича, они разбирали оружие, бранились, некоторые спокойно сидели по углам. Кто-то дергал его за ногу: «Проснись, Кашил!»

«Я — Кашил!» — мгновенно пронеслось в мозгу, мысль работала предельно четко. Организм производил ритмичную и быструю мобилизацию армии нервных связей, посылал сигналы сердцу, легким, мышцы сокращались и подбирали слабинку сухожилий, всё проверялось и готовилось для пронзительной жизни. Секундой мелькнула мысль о необычайной яркости ощущений; воспоминания прошлого, совсем недавнего сна, в котором он ощущал себя слабым, неуверенным в себе Игорем (почему Игорь — тайна, какая может быть тайна в этом Игоре?), становились ватными и неубедительными. Сомнения разрывались в ключья тумана и исчезали. Вот она жизнь, не сон — настоящая жизнь!

Почему он лежит здесь, в грязи? Наверное, вчера долго обсуждал с Саксом план предстоящего боя и остался здесь, чтобы оказаться утром ближе к арсеналу. А вот и Сакс, тянет его за ногу. И даже одет для боя. Так же, как и я. Вернее, раздет — на нем только треугольный кусок красной ткани, завязанный двумя концами спереди, третий угол подтянут, тоже спереди, под боевой кожаный пояс. Больше ничего не нужно, только оружие. Ухо оценило неясное «элефанте, элефанте». Итак, не львы. Африканский слон — это страшнее. Нужно выбрать оружие. Копье, и покороче.

Откуда-то вывалилось наполовину забытое воспоминание: страшный отчаянный удар по надвигающейся сверху, оскаленной маске хищника, предсмертный тоскующий всплеск ужаса и потом — жив! жив! — в теплой луже крови под телом мертвого зверя.

Сейчас все решится: жизнь, смерть, слава, позор, свобода! Только бы найти копьё покороче. Меч не годится. Его не воткнуть. Нужно ударить копьем двумя руками. Он видел, как диковинный черный карлик, африканский пигмей ростом еще меньше Кашила убивал на арене слона. Он погиб, тот черный человечек, но я не погибну, я должен победить. Шарик опия за щеку — это тоже мне поможет.

Африканский слон был громаден и свиреп. Он стоял спокойно на стройных легких ногах и даже вблизи производил впечатление изящное. В этом слоне воплотилось все. Он должен искупить — и боль, и поражения, и слабость, пощечины и удары, холод и жару, скуку и мертвый покой. Борьба с ним превращалась в откровение и гениальную догадку. Конечно, Кашил был далек от понимания подобных слов, но

тем не менее он сумел все это почувствовать. Что-то взорвалось внутри него; шар крови лопнул мелкими брызгами, и в эту открытую настежь, с торчащими вперед ребрами грудь хлынул непривычно холодный воздух. Он открыл себя в этом мире. Каждая мысль, каждое движение становились уверенной, безоглядкой догадкой и смелостью победителя. Поза его, легкая и непринужденная, словно скульптура, завершалась рукой шеи, твердо держащей сосуд головы. Какие-то сложные кольцевые мышцы энергично охватывали шары глаз, выдавливая пронзительный поток взгляда. В груди появилась вторая диафрагма. Края ее загибались вниз, а середина сферы поддерживалась мощным потоком воздуха. Плечи и шея вплотную прилегали к колышущемуся зонту диафрагмы, и мысль уверенно стояла на этом упругом основании, своей неожиданной собранностью освобождая тонкую лицевую мускулатуру для врожденного радостного оскала.

Мысль Кашила обволокла и заключила в себе необъятную громаду животного, гармонию его разнообразных и могучих движений, вес, давление на кости, сопротивление огромного кровяного насоса сердца, кровь, бурлящую в руслах его тела, тупую, налитую ненавистью мысль несломленного неволей гиганта, презрение к хрупким неказистым существам, во власти которых он находился. Слон стоял почти неподвижно, буквами глаз ощупывая и примеряясь к оружей, захлебывающейся толпе.

Где Сакс? Сакс, настал момент. Отвлекай его, заманивай, но в бой не вступай. Берегись хобота!

Ни единая мысль, ни сомнения не отвлекали Кашила, когда он крался к слону и скрылся под сводом его обширного брюха. Он ощущал только радость и трепет борьбы. Руки крепко держали короткое древко копья; глаз наметил далекую точку в пульсирующей складке кожи под левой передней ногой слона. Он сжался и пружиной кинул себя вверх. Все его существо аккумулировалось и вложилось в остроконечную вершину копья. Удар получился смертельным, он в этом не сомневался. Радость победителя засvistела в нем, он выпрямился, как в храме, и раскинул руки. Это было его последнее ощущение. Потом дикий вопль и рев где-то под куполом, черная пелена и хруст раздавленных костей.

Кашила вытащили из-под тяжелой туши слона. Он был весь в крови. Но еще дышал. Каждое движение вызывало нестерпимую боль. По указанию прокуратора принесли золоченые римские носилки на ножках, без балдахина. Положили на него героя. Раздались звуки трубы и рога. Началось чествование победителя. Толпа неистовствовала. Такого еще они не видели. Крошечный африканец завалил дикого африканского слона. Слон затоптал всех гладиаторов. Тяжело ранен, едва не погиб белокурый гигант Сакс. А этот недорослик один принял бой и убил зверя. Кашил лежал на носилках, под ним — роскошное белое полотно с золотой вышивкой по краям, залитое его кровью. Героя арены накрыли по пояс тойгой триумфатора, тонким покрывалом, сшитым из лепестков алых роз. «Кашил, Кашил! Рудис африканцу, Рудис африканцу!» — ревела толпа. На грудь Кашилу положили Рудис и пальмовую ветвь. Воины пронесли вокруг арены носилки с гладиатором. «Вот мой час, — думал Кашил, — настал мой час. Великая Римская империя не сумела сломить маленького раба из Африки. Мой час! Последние минуты жизни. Я умираю свободным. Еще немного... Отправляюсь в последнее путешествие. Не плачь, Сакс. Моя душа отлетит на родину, вернется в знойные пустыни и степи родной Африки. Там ей будет спокойно и хорошо. А сейчас, пока жив, я должен все сделать по-законам-моей-страны. Охотник, убивший зверя, должен отпить его крови». Кашил дал знак воину охраны подойти к нему, указал на поверженного великана. Гладиатор говорил с трудом, язык не слушался, но ликтор понял его. Поднесли серебряный кубок с кровью слона. Слезы счастья

текли по щекам Кашила. Он с трудом приподнял голову и одно плечо. Дрожащей рукой взял кубок и пригубил его. Темная густая кровь стекала по его подбородку и шее. Рука упала вместе с кубком. И кровь побежденного животного смешалась с кровью победителя.

* * *

Утром в комнате Гарика зазвенел будильник — пора на работу. Лёля услышала перезвон часов, встала — надо приготовить сыну завтрак. Вспомнила, что под утро ее разбудил какой-то грохот.

«Что-то случилось? Позже спрошу у соседей. Почему Гарик не встает? Совсем не хочет о работе думать. Одни девчонки на уме», — размышляла она, хлопоча у газовой плиты.

— Ауфштейн! — по привычке закричала она, как всегда, когда настало время разбудить сына. Обычно он отвечал: «Нихт ферштейн!» Сейчас в его комнате — тишина. Лёля открыла дверь: «Вставай, вставай, пора...» Слова застряли у нее в горле... Гарик лежал в своей кровати с раздавленной грудной клеткой. Нарядная импортная пижама и постель — все залито кровью. Он был без сознания, но еще дышал.

Несколько дней Гарик не приходил в себя. Когда очнулся, первым, кого он увидел, оказалась Люда.

— Никуда мне от тебя не деться, Людочка. Что со мной?

— Сотрясение, открытый перелом ключицы и нескольких ребер. Легкие почти не задеты. Но ты много крови потерял. Еще бы немного... А сейчас... В рубашке ты родился, Игорь. Врачи считают, что опасность миновала. Жить будешь. И к нормальной жизни вернешься. Лежи, Игорь, тебе нельзя так резко двигаться.

— Люда, ты можешь толково объяснить, что случилось?

— Не знаю. Это тебя надо спросить, где ты был, что случилось с тобой в ту ночь.

Гарик был еще совсем слабым. Врачи держали его в реанимации. Никого не выпускали. Только Люду. Она приходила каждый день, подолгу сидела. Приносила домашние сырники, котлеты, кефир, фрукты, что-нибудь вкусненькое. Дождалась, пока он уснет, и только тогда уходила.

На душе было почему-то спокойно. Будто в его жизни что-то изменилось. А ведь действительно изменилось: тревожные сны, такие убедительные, так похожие на реальную жизнь, больше не посещали его. Может быть, покинули навсегда. Как знать? Но что-то из этих снов он иногда вспоминал, будто наяву грезил. Посмотрит на Люду, сидящую у его постели, и в голову приходит гречанка, которую он встретил на рынке в своем «киприото-греко-римском» сневидении. Заговаривают о родственниках, о троюродной сестре — в памяти всплывают крепкие груди Аларры. А вот начальник его по службе, Николай Николаевич, никак не напоминал ему жирного наглого грека Децила. Всплывали картины боя и последняя сцена — Кашил под брюхом слона. Выцеливает удар в сердце. Удар, который разрубит гордые узел, решит все проблемы, уничтожит исполина, вставшего между ним, Кашилом, и его свободой. Весь свой гнев, всю ярость вкладывает Кашил в этот последний удар. Ноги и брюхо слона напоминают Гарику колонны и своды иудейского храма, которые Самсон обрушил на себя и на головы врагов. Гарик восхищается потрясающей дерзостью бушмена, повторившего, по его мнению, подвиг Самсона. Невысокий коренастый африканец убил в неравной схватке огромное чудовище, злобное и беспо-

щадное, одним ударом свалил мрачного гостя нашего мира, выходяца из преисподней, исчадие ада, воплощение всемирного зла, принял на себя неимоверную тяжесть адского зверя.

Закончилась ли двойная жизнь Гарика Хадеры? Удалось ли ему преодолеть свои комплексы, решить проблемы, на которые у него обычно не хватало пороку ни на работе, ни дома? Или эти комплексы, проблемы и сопровождающие их необычные сновидения еще вернутся к нему? Может случиться и так, что память о подвиге Кашила останется с ним на всю жизнь. И будет для него примером стойкости маленького человека, стремление к свободе которого не по силам сломить никаким империям — ни Великому Риму, ни Третьему Риму, ни пролетарскому «Советскому Риму»... Примером того, что каждый Кашил сможет получить свой Рудис, если он действительно этого захочет.

Сны и теперь посещали Гарика. Как каждого нормального человека. Обычные сны. Какие бывали когда-то раньше, в детстве. То он маму потерял. А то нашел — а это оказалась Люда. Смех, да и только.

Гарик попросил Люду принести ему в больницу гранат.

«Интересно, что в данный момент символизирует этот плод? — подумал он. — Может, это яблоко с райского дерева, которым Ева соблазнила Адама, — символ искушения и греха? Кашил, кстати, считал красный цвет символом стыда и бесчестия. Или вслед за древними будем считать гранат символом изобилия, долгой и счастливой жизни, символом супружеской верности и семейных обязательств?»

Он осмотрел нежные и сочные зерна граната, не стал вынимать их поодиночке, а надкусил плод, как яблоко. Брызнули мягкие зерна, сок стекал по подбородку и шее — темно-красный, вишнёвый с синеватым отливом гранатовый сок.

Гарик поправился, вышел из больницы. Николай Николаевич был с ним неизменно доброжелателен, лишь однажды посмотрел на подчиненного как-то особенно жестко, взгляд его при этом блеснул осмысленно, насмешливо и злобно.

Конец нашего рассказа кажется вполне счастливым. Хеппи-энд. Гарик женился на Люде и отрастил небольшие усы, за которыми тщательно следил. Вскоре ему повысили зарплату.

ФУА-ГРА — СЛОМАННОЕ КРЫЛЫШКО

Он говорит: «Бедный мой Дядюшка Виггили!» Это он про мою ногу. Так и сказал: «Бедный мой Дядюшка Виггили!..» Господи, до чего он был милый!

Г. Гэрис. Дядюшка Виггили²⁰

Настроение у Ани Бакшировой — из рук вон... Настроение... Какое, к черту, настроение? Полный упадок. Паника. Депрессия — можно и так сказать... Сволочь какая! Тоже мне, цаца... Не лорд... Даже не англичанин. Ну, хорошо — не сакс, был бы хоть английским евреем, как Майкл Нордингтон, к примеру. Этот же — и того хуже — простой ирландец, а туда же. Типа — «я тебя люблю, но женитьба в мои планы не входит». Интересно, кто к кому снисходить должен? Настоящая белая женщина из России или этот, без роду и племени?

²⁰ Старый хромой кролик Дядюшка Виггили Длинные Ушки — главный герой детских книг Говарда Гэриса, до сих пор любимых юными читателями США. Дядюшка Виггили страдал ревматизмом и поэтому ходил с костылем.

Между прочим, я долго колебалась по поводу этого Джея Уорда. Конечно, он сумел... Добился высокого положения — исполнительный директор Ид-энд-Рэй-венскрофт, не хухры-мухры — королевские портные. Плюс — свои магазины ширпотреба в Лондоне. У нас, в Питере, тоже пошивочные мастерские открыли. И Модный дом на Невском. Сам принц Майкл Кентский им покровительствует. Кстати, в начале девяностых котировался как вероятный претендент на царский престол — мог стать императором всяя Руси; не стал... Но хорош! Жаль, не по зубам мне. Майкл Нордингтон — тоже видный мужчина. Элизабет, Элизабет, его жена... старая королева. А этого Джея взяли исполнительным директором из милости... Не англичанам же трудиться, конкретными делами заниматься. Хотя Нордингтон, конечно... Но тот втерся — президент компании, член самых престижных лондонских клубов. А Джея — конечно, из милости. Хотя особнячок у него в Эспоме — ничего себе. Веснушчатая рыжая бестия. «Анечка, Анечка, я все для тебя сделаю». Руки целовал, ноги целовал.

Год я кантовалась у него в этом провинциальном Эспоме. Как дура... Ходила с ним на скачки. Ездила на белые ночи в Финляндию. Прикол такой — ночью в гольф играть. Размечталась, ненормальная. Строила из себя хозяйку, прислугу дручила, с соседями «дружила»... «Русская устраивает приемы», «русская любит гостей». Провинциальные болваны. Ничего не знают, не видели, ничего ведь не видели и знать ничего не хотят. У них, мол, и так все лучшее. Английская литература — лучшая. «Наш Шекспир — его одного уже достаточно». Английская живопись — лучшая, английские лошади — самые лучшие! Английский королевский дом — идеал! Тоже мне идеал — дубоватый принц Чарльз, который даже во время фотосессии не стесняется залезть себе в штаны и пощупать, на месте ли его яйца. Из-за этой вони Англии... Забросила... всех забросила... Там везде, даже на Трафальгарской площади, пахнет конским навозом — что хорошего? — хуже жрачки, чем в Англии... Трудно даже представить себе: жесткие — не прожевать — шницели с подгоревшими тостами, пережаренный бекон... Кофе и то делать не умеют. А знаменитый английский чай! Не случайно же... популярный анекдот: «Сэр, если это кофе, то я предпочел бы чай, если это чай, я предпочел бы кофе!» Кругом пивные бары — все стоят прямо в верхней мокрой одежде. Жуткий запах смеси пивных и человеческих испарений. Говорят, в Англии очень вежливые проститутки... мне-то какое дело? А театр? Один мюзикл — «Кэтс» или «Мизараблс», например, — крутят каждый день одно и то же по двадцать лет. И англичане ходят на эту жвачку...

А я... из-за этой вони Англии забросила своего верного Федечку... И Олю... Федя — ангел, Оля — конечно, не ангел, скорее — юная стерва. Но это же моя дочь. От детей не отказываются. Уехала на год, всех забросила.

Если просто прокатиться за рубеж, пожить в хороших отелях — у меня для этого Манфред есть, мужчина хоть куда. Неплохо покутили с ним во Франкфурте... И Миклош из Будапешта...

Всех бросила ради этого ничтожного Джея. Думала, стану наконец миссис Уорд, есть шанс попасть в высший свет. Ездить со своим водителем на приемы в Виндзор. А этот: «Извини, дорогая, женитьба не входит в мои планы».

Конечно, я — уже не девочка. Сорок пять — не двадцать пять. Но выгляжу ничего, очень даже ничего — стройная, белокожая... Подбородочек, правда, подкачал, чуть срезан, и носик великоват... Вот и складочка на животе... Да она у меня и в двадцать пять была. Уж всяко не хуже, чем их уродливые массивные англичанки. Белая женщина, настоящая белая женщина... Не просто — русская послушная Дуся... Это надо ценить... Каких кровей! — московская аристократия! Говорят, прав-

да, что фамилия Бакшировых от «бакшиш» — выгода, но это вранье, злые языки болтают. Папа при советской власти... Он в министерстве работал. Даже замминистра замещал два месяца. Мы все — папа, мама, сестра Аллочка — только по распределителям, ведомственным магазинам, закрытым санаториям... И раньше, и теперь...

У этого Джея я быстро навела порядок в доме, прислуга его теперь по одной половице ходит. Прежняя жена Джея, пусть земля ей будет пухом, распустила челядь, особенно черных... Никакого уважения. Молчать нужно и слушать, когда хозяйка говорит... Отвечать только: «Есть, мэм!», «Что угодно, мэм?» А этот: «В его планы не входит...» Наглость какая! Кто я такая, по его мнению? Наложница, приживалка, содержанка? Нашел дуру. Что мне надо было делать? — собрала вещи и умотала. Если б еще он собой был хорош или особо богат. И в постели — ничего особенно-го... Хотя начиналось все очень романтично. Что же мне теперь делать? Не красавица. На горизонте — пятьдесят, молодись не молодись — вот-вот пятьдесят! Неужели жизнь в немой России с тоскливым Федькой — теперь мой удел? Столько поставила на этого рыжего... — и полный крах.

Аня, совсем раздетая, — в одних трусиках и туфлях на высоком каблукке — бродила с сигаретой по огромной спальне. Кольца и серьги остались в ванной. Паника, депрессия... Это еще не основание... чтобы не следить за собой. Замыла пятнышко на блузке, выщипала несколько волосков из бровей, восстановила привычную боевую раскраску — наблюдая со стороны, можно было бы предположить, что Анна собирается на важное свидание. Никуда она не собирается, не с кем ей теперь свидаться. Разве что с Федей... Но не для Феде навела она марафет — для себя... Нанесла кисточкой розовый лак на ногти, аккуратно обвела лунки. Зазвенел телефон. Ноготочки на правой руке уже подсохли. Аня завинтила крышку на бутылке с лаком, взяла телефонный аппарат, перенесла на край постели. Поставила рядом пепельницу с окурками и недокуренной сигаретой. Левую — со свеженанесенным лаком — держала в воздухе, растопырив белые пальчики. Чтобы не испачкать простыню. Телефон отчаянно верещал, Аня правой взяла сигарету, не торопясь сделала две затяжки — не станет же она спешить из-за какого-то звонка! — только после этого сняла трубку.

— Ирка, ты, что ли? Да, я, Аня, кто еще? Мы тыщу лет не виделись. Да, я уже вернулась. Год, год я там прожила. На берегах Туманного Альбиона. Ну не так чтобы не получилось. Можно сказать, не сложилось. Как с мужем встретилась? А как? — нормально. Примчался в аэропорт, как бобик. Когда уезжала, тоже провожал. Сказала ему, что работа в Англии сложилась неплохо... Да он знает, мы же созванивались... И с ним, и с дочерью. Он деньги мне присылал. Сказала, что соскучилась по семье, по нему и все такое. Знает ли что-нибудь о Джее? Знает, конечно... они знакомы. Я брала его на презентации Модного дома. И на встречи с принцем Майклом. Знает... но не в этом смысле... Догадывается? А черт его знает — какая мне разница? Молчит. Пусть только попробовал бы пикнуть, не посмеет даже заикнуться. Встретил, как обычно. С цветами. Сапоги снимал, ножки целовал, ничего нового... Тоска. Хорошо, что есть куда вернуться. Я тоже — очень хотелось бы повидаться, подруга. Вспомнить годы молодые. Приезжай. Нет, это не там, где... У меня есть своя квартира. Отдельно от Феде. Забыла, что ли? — ты приезжала сюда пару раз. Видишь ли, подруга, я до Англии занималась медицинским оборудованием. Ну, не до Англии, давно... Купи — продай. Вот и купила квартиру, обставила... Оля тоже в курсе, бывает здесь иногда, а Федя — ничего... Мало ли что, если домой позвонишь и на Федю нарвешься... Не проговорись, дорогая. Когда остаюсь здесь, Феде говорю, что в командировке. Ты ведь за рулем? Вот адрес, приезжай. Для чего

квартира? Ну, мало ли для чего! Ты что, маленькая, что ли? Почему я должна все ему докладывать? В общем, давай рули, я приготовлю завтрак.

* * *

Ира Гнатовна искала многоквартирный дом Анны до двух часов. Потом не могла найти подъезд, и Анне пришлось одеться и выйти ей навстречу. Ира объяснила, что ехала отлично — ни пробок, ни аварий, что она очень хорошо помнила дорогу, а потом запуталась, это когда свернула от Баррикадной.

— Не Баррикадная, а Беговая, пухлая ты моя малышка. Ты ведь уже здесь бывала.

Ира, мокрая, встрепанная, что-то невнятно пробормотала, бросилась назад к машине. Анна подняла воротник пальто из ламы, закурила и спокойно ожидала, повернувшись спиной к ветру. Подружка быстро вернулась, нервно вытирая салфеткой разгоряченное, потное, в красных пятнах лицо, но это ее почему-то не освежило. Аня со смехом сообщила, что завтрак сгорел к чертям собачьим — и омлет, и тосты с сыром, — но оказалось, что Ира по пути уже перекусила в какой-то уж-ужасной шаверме.

— В шаурме — что это ты, малышка, запела на питерский лад? Почему не на работе, у тебя выходной, что ли? — спросила Анна.

— Да нет, просто у моего шефа Леша Витчанина, — помнишь такого олимпийского чемпиона? — у него абсцесс, и он сидит дома. Но вечером приедут шведы, и я должна вместо него провести переговоры.

— Ты же просто переводчица.

— Да, но я неплохо знаю дела по биатлонной ассоциации и могу заменить Лешу с его согласия. А что такое абсцесс, ты не знаешь?

Аня бросила сигарету в грязный снег и сказала, что вообще-то не знает, но Ире не стоит волноваться — это не заразно.

— Ах, вот как! — деланно откликнулась встрепанная Ира, и они поднялись на лифте в фор-бед-рум-квартиру Ани.

— Ничего-о-о себе! — удивленно пропела гостья, оказавшись в холле просторной, с огромными стеклянными стенами квартиры, взлетевшей на невероятную высоту над новым московским микрорайоном. — Простый раз я попала сюда поздно вечером, все шторами закрыто, вот ничего такого и не увидела.

Через полчаса они уже допивали первую порцию «адвоката». И говорили, говорили... Так, как умеют говорить подруги, которые вместе учились в Московском университете, много времени провели в одной компании, вместе путешествовали и многократно оказывались соседками в отелях Домбая, Чегета, Бакуриани, Пицунды, Гагры, Нового Света и так далее, и так далее, и тому подобное.

Между ними установилась довольно прочная связь — многие важные события в их жизни происходили почти синхронно. В универ поступили в один год. Прилежная, старательная, приличная Ира — преодолев огромный конкурс — на филфак, на самый востребованный английский. У Ани — голова как часы и бэкграунд — семья, манеры, связи — будь здоров, но учеба ее никогда не интересовала. Шустрая, нахальная тусовщица, с трудом перебивавшаяся в школе с троек на четверки, она попала в конце концов — не без вмешательства влиятельного папы — на совершенно непрестижный в те годы экономический факультет.

Потом их посетили первые любовные порывы. Аню отчислили со второго курса, через три недели после того, как ее застали в лифте общежития со студентом-физиком Женей Беленским, — что она могла там делать в этом общежитии? Что она

могла делать в лифте со смешливым, ясноглазым блондином, вертлявым Женечкой? Пришлось опять подключаться родителям — надо же пристроить девочку, — Аню вместе с ее тройками удалось запихнуть без потери курса в Институт стали и сплавов. Какая разница? «Где бы ни учиться, лишь бы не учиться!»

Ира тоже выбрала себе физика в качестве объекта обожания. Физики... Тогда стало модно увлекаться физиками. Лёничка Славословский, правда, не совсем физик. Учился на компьютерщика в МИФИ. МИФИ — инженерно-физический; так что вполне можно считать его «физиком» — не «лириком» же! Лёня, золотой московский мальчик, стройный, с гибкой талией, аккуратной стрижкой и холеными черными полосками усов. Мама — известная московская поэтесса, отчим — лучший поэт советского авангарда, отец — ученый, профессор, завкафедрой в том же МИФИ. Какой перспективный мальчик! — вздыхала Ирочка, придававшая огромное значение близости ее «красавчика» к социальным лифтам. Ира просто млела... Ах, этот Лёничка, умный, хорошенький... С его перспективами будущей необыкновенной жизни на самой вершине социальной лестницы. Это казалось счастливым шансом... Но воспользоваться им не удалось. Не удалось благомысленной Ирочке добиться устойчивого расположения Леонида, не удалось пробиться в желанный круг золотой молодежи, не удалось почерпнуть житейских благ из источников, учрежденных и установленных для нужд советских небожителей. Довелось ли ей хотя бы почувствовать волну ласки холеных Лёничкиных ручек, удалось ли ей самой прикоснуться к мужским достоинствам «золотого» мальчика? Об этом история умалчивает. Факт тот, что продолжения не последовало, а может быть, и вообще ничего мало-мальски важного не случилось, однако остались какие-то воспоминания о сладких девичьих мечтах, предчувствиях и, возможно, еще кое о чем более конкретном.

Время шло — веселая московская жизнь, тусовки, поездки... Большая компания, где перемешались парни и девушки из Москвы и Ленинграда. Учились, работали, путешествовали, ездили в гости: москвичи — в Ленинград, ленинградцы — в Москву. Были и общие увлечения. К обоим подбивал клинья Вовка Легоступов — симпатичный спортивный парень, очень контактный, трепач, выпивоха, любитель прокатиться на дармовщинку. Серьезная Ира с возмущением отвергла его притязания: у этого балабола — ни денег, ни связей, ни перспектив. Кокетливая, разбитная Аничка тоже его всерьез не принимала, но отказалась ли она от соблазна так же, как консервативная Ира, этого нам теперь уже не узнать. Шутки, развлечения, дружеские вечеринки... Кончилась счастливая студенческая пора. Девушки уже два года работают, пора бы уже остепениться, тем более что замуж очень хочется... Аня спрашивает у подруг... Как так получается? Она, Аня, живая, кокетливая, игривая, ну подумаешь — складочка на животе... А бегают все за Вероникой Кетлинской — та даже усилий для этого не прилагает. За ней бегают толпами, а она, Ника, — ноль внимания! Почему за Никой? У меня сиськи не хуже, а ноги — точно лучше...

Словом, настала пора обзаводиться семьей. С кого из них двоих начать свой рассказ? Начну с Ани, она лидирует в этой паре. И мозги на месте, и кругозор, и напор... Напористая, неудержимая, словно современный локомотив. К тому же еще и паром пышет, как начищенный ретропаровоз. Аня присмотрела себе Федора из ленинградской компании. Скромный, из простой семьи, серьезный, трудолюбивый. Технар, аспирант, скоро защитится... Не красавец, конечно, но ничего себе... Даже Кетлинская к нему, похоже, интерес проявляет, абстрактный пока что... Надо вначале проверить в деле. Как мужчину. Хорошо ли будет исполнять супружеские обязанности — как без этого? Рванула в Ленинград... Проверила... В этом плане все подходит. Аня — быка за рога — и окрутила парнишку.

Значит, так, Федя. Вы здесь сидите в Питере и ничего не понимаете. Как в том анекдоте: «Вы здесь сидите и ничего не знаете, а перчик — это просто писк! — заявил царской семье юный инфант». Кому нужна твоя наука? Ну, защитишься, получишь прибавку сто рублей, будешь преподавать в институте... «Техника безопасности при использовании генераторов сверхвысокой частоты» — потрясно, суперувлекательно! Одно и то же до пенсии, а там: состаришься и умрешь — блистательная перспектива! А вот я как раз могу позволить себе в аспирантуру поступить. Какая разница — по какой специальности? Куда пригласят, там и буду писать. Пойду, наверное, в Автодор, буду исследовать... Научные основы укладки дорожного полотна! Почему не защититься? Да я вдвое быстрее тебя напишу... Потому что мой муж — тюха-матюха. А я — умная, способная и ничего в голову не беру, вот у меня все и получается. Легко! Конечно, будем жить в Москве. Квартиру папа сделает. А тебе надо идти работать в Совмин. Распределители, блага, санатории, поездки за рубеж. Когда рядом с большими деньгами — всегда согреешься. Ты теперь не должен думать о высоком и недостижимом. У тебя семья. Скоро у нас Оленька появится. Ты должен о семье думать. И не говори при людях: «Булка, парадное, поребрик». Сколько можно тебе повторять: «Батон, подъезд, бордюр!» Я вчера просто со стыда сгорела. Гости-то пришли — не последние, между прочим, люди. Будто ты не муж Анны Бакшировой, а какая-то дубина стоеросовая.

Ире приглянулся симпатичный инженер Валерочка из их компании. Да что там «интересный» — просто красавец! Приличный, серьезный парень. Не рвался в заоблачные выси, ему просто нравилось заниматься электроникой. На Первом шарикоподшипниковом. Уютная, пухленькая Ира ему тоже показалась. Правда, остается вопрос: кто кого выбрал? Говорят — всегда выбирает женщина, а мужчина только вид делает, будто он сам выбирает. В данном случае это был выбор Иры. Валера — конечно, неглупый, но звезд с неба не хватает... Станет семейным человеком — возьмется за ум. Я-то для чего? Направлю, подскажу... В крайнем случае и настоять смогу.

Так что наши девочки вначале влюблялись, причем не очень удачно, потом развлекались — более успешно, гораздо более успешно, потом вовремя стали замужними дамами — обе окрутили своих избранников, а потом обе подарили мужьям по дочке. Все у них складывалось правильно, все — как положено, вовремя, как и должно быть у московских девочек из хороших московских семей.

* * *

Аня говорила и говорила. Она уже изрядно выпила... И будто поток прорвало.

— Прям, клялась! А подружка твоя тут же и поверила, — Аня смачно зевнула, нехотя прикрывая рот ладонью. — Она прям при мне красилась. Ну, почти при мне. Чего, чего? Сигареты кончились?

Ира сказала, что у нее есть еще пачка, дурра-а-ацкая сумка, в ней никогда ничего не найдешь.

— Эта идиотка домработница, — произнесла Аня с каменным лицом, — часа полтора назад я положила прямо перед ее носом два мешка с продуктами, водитель привез. Вот увидишь, сейчас явится сюда и спросит, что ей с этим делать? Пришла с рекомендациями, я, говорит, жрец культуры, богиня голубого экрана, телевизионный режиссер... Все для нее сделала, умоляла, чтобы переехала сюда, комнату для нее выделила, ну и работай, неча разглагольствовать о высоком. Хочешь о высоком? Чо-ты-с-телевидянна-ушла, возвращайся — или не берут уже? Она не знает даже, как курицу приготовить. Свари бульон, а это отработанное птичье мясо, оно уже

ни к чему не годно, просто жвачка, его просто... теперь надо выбросить. Совсем сбилась с мысли, о чем это я?

Ира наконец нашла сигарету, закурила и рассказала, что речь шла об этой Нонне, то ли Шевченко, то ли Полтавченко...

— Ага, верно. Я же была у нее на свадьбе, а она красилась накануне. Такой, знаешь, дешевый черный цвет, что с нее возьмешь — провинциалка из Черновцов. Она же вышла замуж за этого Осика из Риги. Такой крошечный, корявый, помнишь его?

Ира ответила, что помнит, конечно, обычный задрипанный технар — кандидатик. Ужасно некрасивый, верно?

— Некрасивый? Мамочка дорогая! Да он похож на немытого Вуди Аллена!

— Ну, ты и сказанула, здорово! — с трудом вымолвила она и снова пригубила от своего стакана.

— Дай-ка я еще налью, — сказала Аня и опустила на пол ноги в одних колготках. — Ох уж эта идиотка, которую я взяла прислугой. Чего только я не делала, ей-ей, чуть ли не целовалась с ней, чтобы она поехала в этот дальний район, почти что за город. А теперь жалею. Откуда у тебя эта янтарная штука?

Ира сказала, что колье у нее еще со школы, от мамы досталось.

— Чертова жизнь, — продолжала вещать Аня, философски разглядывая пустые стаканы. — Мне бы хоть кто-нибудь хоть что-нибудь оставил, только то, что Манфред подарил, потом Джей, еще два серба за мной бегали... Так, ерунда какая-то, вообще нечего носить. Мама все Аллочке отдает, своей любимице. Если когда-нибудь свекровь откинёт копыта — и не дождешься, и взять с нее нечего, — она завещает мне, наверное, свои пожелтевшие вологодские кружева позапрошлого века.

Ира ехидно осведомилась о том, что раз ей светят вологодские кружева, то Аня теперь, наверное, ладит со свекровью.

— Шутить изволишь? — не то сказала, не то спросила Аня, уходя на кухню с пустыми стаканами.

— Я больше не хочу, слышишь? — крикнула ей вслед Ира.

— Как бы не так! Кто к кому в гости напросился? Кто опоздал на четыре часа? Теперь будешь сидеть, пухляшка, пока мне не надоест.

Ира хохотала, мотая головой, но Аня уже отплыла на кухню.

Аня все не возвращалась, и Ире стало скучно сидеть одной. Она подошла к книжному шкафу. Грустное зрелище — Шпанов, Шевцов, Панферов, Леонов, краткая история КПСС — в основном книги, изданные в советское время, взятые, видимо, из квартиры родителей. Для заполнения полок. Похоже на то, что книги никто не брал в руки со времени их переезда в эту квартиру. Квартира-то — не для чтения, для других утех... Ира провела пальцем по корешкам, посмотрела на толстый слой пыли на пальце, вытерла палец о палец, потом оба пальца — о подоконник. Заглянула в окно — вечерело, зимние вечера — ранние, мокрый снег охватило ледком, слякоть постепенно превращалась в гололед.

Села в кресло, вытащила зеркало из бездонной сумки. Долго рассматривала свои губы, подкладывая под них кончик языка. «Поперечных складочек, слава богу, пока нет, губы еще плотные, крепкие, — с удовольствием подумала она. — Мне губы еще как пригодятся. Надо сказать Аньке, что я сейчас невеста, ищу мужа. Из Валерочки моего все равно ничего не получится, так и просидит всю жизнь примитивным инженеришкой. Эта книга прочитана, останутся разве что воспоминания. Аня, как я понимаю, тоже невеста, опять в поиске. Хотя Федю далеко не отпускает, держит при себе, в горячем, так сказать, резерве. Чтобы не остаться у разбитого корыта. Честно говоря, Федечка ее — и так вполне себе разбитое корыто, совсем она

мужика в полное ничтожество превратила». Ира вынула помаду и аккуратно подвела губы.

— Гололедица началась, — сказала она вошедшей Ане. — Быстро ты управилась, не разбавляла, что ли? Плеснула, и все? Мы с тобой дошли уже, надо разбавлять...

— Крепость должна идти по нарастающей, — в руках у Анны маленький поднос, на нем два полных стакана. Анна оставила предательски качающийся подносик в левой руке, а указательный палец правой навела как пистолет на подружку. — Ни с места, делайте, что говорят, если вам жизнь дорога. И без глупостей — ваш дом окружен, у каждого окна снайпер.

Ира опять зашла от смеха и убрала зеркальце. Аня поставила стакан гостьи на небольшой столик, с трудом удерживая свой стакан на подносе. Неловко избавившись от подноса, она блаженно растянулась на диване со стаканом в руке и, как человек, много повидавший в жизни и знающий истинную цену людей, произнесла многозначительно:

— Догадайся, что моя режиссерка выкинула? Уселась тощим задом на кухонную табуретку и читает С-крын-н-никова... Ты не знаешь? Историк какой-то. Специалист по «крынкам», наверное... — Аня расхохоталась. — Я покачулась и уронила пластиковую форму с кубиками льда, так она как зыркнет на меня: я, видите ли, своим не тактичным поведением помешала ей читать «высокоинтеллектуальную литературу».

— Все, моя милая, это последний, забей... Забей это в свою хорошенькую голову! — Ира взяла стакан. — Ни за что не догадаешься, кого я встретила на прошлой неделе. В главном зале ГУМа.

— Чего, чего, толстунчик? — Аня подсунула под руку диванную подушку. — Вахтанга, наверное.

— Кого-о-о? Это еще кто такой?

— Ну, Вахтанг Кикабидзе. Усатенький, в кино играет. Он еще потешно так поет: «Чита дрита, чита маргарита, да!»

— «Чито гврито, чито маргалито» — с филологом говоришь!

— Какая разница! «Людмилу Ивановну ха-а-чу!» — абаж-ж-аю Кикабидзе. Черт бы побрал эту хату, ни одной проклятой удобной подушки здесь нет. Так кого ты встретила в ЦУМе... Ну, в ГУМе, какая разница к фигам собачьим...

— Кетлинскую, она шла...

— Это какую Кетлинскую?

— Да Вероника Кетлинская, ты ее знаешь. Та, что с роскошным бюстом и тонкой талией. Представляешь... На один день приехала из Петербурга, и мы встретились. Чего ты гримасничаешь? Она же тебе всегда нравилась...

— Знаю, эта твоя Ника — кривляка, она мне тоже как-то попалась. Я сдуру решила подвезти ее до вокзала. Вот едем мы с ней, едем, а в это время мне Манфред звонит, представляешь. Говорит, приехал всего на неделю, скучаю, давай, любимая, быстро, жду тебя в «Праге». Ну, я, эссественно, высадила Никушу. У нее чемоданчик совсем небольшой, показала, как до метро добежать, даже поцеловала на прощание. Так она, видите ли, обиделась, не звонит теперь, в Питере не захотела встретиться. Питер — это все-таки заштатный городок. Ну, и что — она, Ника, наверное, заговорила тебя, уболтала своими провинциальными байками?

— Вообще-то Ника не болтушка. Но знаешь, что она мне рассказала. Помнишь, когда мы по Закавказью ездили, там еще была пожилая пара. Валентина Ивановна и Николай Сергеевич. Журналисты в прошлом. Симпатичные очень. Они тогда нашу Нику «княгиней» величали.

— Тоже мне, княгиня захолустная. Такая же, как мой Федечка.

— Неправда, мне нравятся ленинградцы. А Вероника вообще красавица, видная женщина и держится достойно. Не знаю, чем она тебе насолила. Так вот, Николай Сергеевич написал ей, что Валентина Ивановна умерла. Что у нее какая-то болезнь случилась, вот она и умерла. Высохла вся — а весу у нее двадцать пять килограмм осталось, понимаешь? Как это ужасно!

— А мне-то что до этого?

— Аня, отчего ты такая злобная стала?

— Ты выпила, Ира, и несешь бог знает что. Ну что еще Ника рассказала?

— Рассказывала о семье, о муже, о сыне. У нее все хорошо, муж работает в академии, в общем, все благополучно. Рассказывала, что несколько лет назад, еще до замужества, ездила с подружкой в Гагру. И там за ней увивался некто Гоча, местный ментовский начальник...

— Знаю я этого Гочу — амбал, красавец, сердцеед. Вообще-то наглец приличный...

— Так вот, он уговорил ее на лодке покататься, не на катере, а на лодке... Вдвоем понимаешь? На лодке, и чуть не изнасиловал... Представляешь, стоим мы в центре универмага, а она громко на весь зал вещает: «Чуть было не изнасиловал!», все оборачиваются. В общем, отвел лодку подальше от берега, она так испугалась, что даже кричать не могла. А потом на катере подъехали спасатели, потому что лодка далеко в море ушла, и она пересела к ним...

— Ну и дура. Сказала бы: извините, все в порядке, сейчас вернемся. Я бы такой случай не упустила... За мной ухаживал югослав... по типу этого грузина. Вообще югославские мужчины... Высокие, галантные, усаые. Ручки целует, всю тебя зацелует целиком... Даже мою некрасивую складочку на животе: «Ах, какая симпатичная складочка, очень даже желанная складочка». Подожди, подожди... — Аня услышала шаги в прихожей и громко спросила: — Это ты, Оля? Ты что, неужто решила мамашку навестить?

— Да нет, я забыла у тебя кое-что из своих вещей.

— Хорошо, не забудь тогда хотя бы дверь закрыть, забывчивая ты моя! — крикнула Аня.

— Оля пришла? Умираю, хочу посмотреть на твою красавицу дочь. Ведь я не видела ее... Ах, я свинюшка, смотри, что я натворила, прости меня, Аннушка...

— Да оставь ты, сиди, не дергайся. Тьфу на этот гнусный ковер, терпеть ненавижу... Давай-ка я еще тебе налью.

Ира отстранила свой стакан:

— Я еще и половины не отпила.

— Не хочешь, брезгуешь компанией подружки... Дай-ка мне сигарету!

Ира протянула пачку:

— Страсть, как хочу ее видеть. На кого она похожа?

Анна закурила:

— На Вахтанга Кикабидзе, а может быть — на Гочу Гочаву из Гагры.

— Ну ладно тебе.

Анна дотянулась до пепельницы и поставила ее себе на живот.

— На Федечку, на кого же еще? Вылитый Федя, ген в ген. И дружит с отцом — просто не разлей вода. Папина дочка. Но Федька мой — страшила, а Оля — чистая красотка. Притом Федор — один к одному его матушка. Придется мне кошку гладкошерстную завести, норвежскую голубую. Чтобы в семье хоть кто-то оказался на меня похож. Куда ни посмотришь — вокруг одни только Федьки...

— Сколько ей, уже двадцать есть? Так же, как и моей. У нее же, я помню, с глазами плохо. Не стало хуже?

— А я почему знаю? Она ничего не рассказывает. Взро-о-ослая... Линзы носит. Раз ночью ходит в сортир, в очко попадает — значит, видит.

Ира обернулась.

— Оля, какая же ты стала красавица, — она поставила свой стакан. — Ах, какие у нас ножки! Ну, ты меня помнишь?

— Как это не помнит? Кто эта тетя, Оля?

— Ну, ладно, мама, дурачиться. Ира Гнатова — вот кто, наша самая знаменитая переводчица, интерпрето...

— Ай, молодец, хорошая девочка! — сказала Ира. — Ну, давай поцелуемся, моя милая!

Оля оценивающе посмотрела на Иру, стала дурашливо чесаться.

— Прекрати паясничать, — сказала Анна.

— Ну, давай обнимемся, Оля, — повторила Ира.

— Не люблю обниматься и целоваться.

Анна скривилась и сказала презрительно:

— Ты, наверное, от своего толстого кавалера.

— Боже ты мой, у тебя есть мальчик!

— Какой мальчик — старый, жирный папик с голдой в два пальца толщиной.

— Во-первых, я из дома. Во-вторых — он не жирный, а большой и могучий. В-третьих, я с ним, возможно, расстанусь. Мы не виделись... недели две, наверное. Съездила с ним в Грецию, и хватит. А в-четвертых... Отстань от меня, что за привычка — вечно ты, Анна, лезешь не в свои дела. — Оля состроила гримасу, ослабилась и высунула язык.

— Сейчас же прекрати, Ира спрашивает, есть ли у тебя мальчик?

— Есть у меня «мальчик», сорока с лишним лет.

— Нет, правда, это чудесно! — сказала Ира. — Твой друг, видимо, обеспеченный человек. Ты живешь у него?

В глазах Оли не отразилось ни тени восторга, прозвучавшего в голосе «знаменитой переводчицы».

— Нет, Анна купила мне квартиру. А вообще-то я дружу, с кем захочу.

— Расскажи о твоём друге.

— У него глаза зеленые, волосы соломенные, лицо — красное, пузо — белое, а руки — как две лопаты; глаза завидующие, руки — загребущие.

Ира закусила губу и в полном восторге качала головой.

— Какая же ты прелесть! Как его зовут?

— Амбал Амбалыч!

— Ну, хватит кривляться, Оля! Иди на кухню к Наталье. Пусть она тебя накормит. Ешь как следует. Посмотри на себя, ты же плоская, как селедка. Хочешь иметь грудь — надо хорошо питаться... А ты, как птичка — чуть клюнула и улетела.

— Мы не прощаемся, Оля, — пропела Ира, — мы ведь еще увидимся.

— Не засиживайся на кухне. Эта режиссерка Наташка — не ровня тебе. Она там у Наташки застрянет на два часа. Будет секретничать. Любит ее. Она же прислуга, а для Оли... будто медом намазана. Зачем ей она? Наталья — просто домработница. Не нашего круга человек. Оля неразборчива в знакомствах. Вообще неразборчива. Для нее, дуры, МГИМО открыто, а она, упрямец, в Плехановку рванула. Занимается танцами. Диско, хастл — разве туда придут мальчишки из хороших семей? Что ей так нравится крутиться с плесом? Теперь этот папик. Я ей квартиру купила, машину подарила, а она: «Отстань от меня, мама, не лезь в мою жизнь, не твое дело». С отцом при этом — душа в душу. Как это понять? Вон у тебя девочка — и за-

муж вышла за мальчика из хорошей семьи, и в аспирантуру поступила, и ребеночка уже завела.

— Зря ты ругаешь дочку. Мне твоя Оля очень даже понравилась. Взрослая, самостоятельная, интересная. У тебя что-то не получается, а ты на ней вымещаешь.

Анна вдруг вскочила, качнулась:

— Ддай-ка твой стакан!

— Хватит, ну, боже мой, хватит уже. Ведь меня ждут в Ассоциации биатлонистов... Как я за руль сяду... Витчанин — очень приличный парень, я не могу его подводить.

— Позвони, отмени встречу, скажи, что тебя изнасиловали в подъезде. Ну, хватит ломаться, давай стакан!

— Не надо, Анечка, нет, нет, нет! Ну, право слово. It's enough, I'm fed up!²¹ Подмораживает, а у меня резина лысая. Если я...

— К чертям собачьим, пусть весь мир замерзнет. Звони, подружка-пампушка. Скажи, что беременна, что у тебя схватки. Что ты уже умерла, что сейчас оформляешь свидетельство о смерти, завтра обязательно предъявишь... Ну, давай стакан.

— Ты как вихрь, как ураган! Где мой мобильник?

— Куда-а-а, куда-а-а... забра-а-ался этот него-о-о-один? — пропела Анна и, пританцовывая, двинулась с пустыми стаканами в сторону кухни. — Где этот маленький, замечательный, перламутровый, мобильненький телефончик?

Повернувшись спиной к Ире и расставив руки со стаканами, она стала медленно покачивать бедрами, будто соблазняя невидимого кавалера. Ира хихикнула...

* * *

Прошло три с половиной часа после приезда Иры.

— Ты не знала настоящего Беленского, — мечтательно говорила Аня, лежа на ковре в расстегнутой рубашке, в колготках без юбки, закинув одну ногу на колено другой и держа стакан с ликером на голой груди, как раз посередине между двух округлых заманчивых холмиков. — Как он умел смешить меня! Я хохотала до слез. Помнишь тот последний вечер в Планерском, шел дождь, и ребята поставили кастрюлю там, где протекала крыша. Мы тогда смеялись, ржали как бешеные, когда эта сумасшедшая Любка выскочила танцевать топлес в одних прозрачных кружевных трусах, а черный бюстгальтер она держала в руках и крутила им над головой.

Ира Гнатовна громко хрюкнула... Она растянулась на диване, откинув голову и опираясь подбородком на подушку, чтобы лучше видеть Анну. Стакан с «Адвокатом» стоял на полу рядом, и она придерживала его рукой.

— Женечка, Женечка, как же ты умел меня рассмешить. И при встрече. И по телефону. Он и письма мне писал. Я хохотала до упаду, когда читала. Из него это просто выскакивало, получалось как бы само собой. Подружка-пампушка, подкинь сигаретку несчастной, всеми брошенной пожилой женщине.

— Э-э-э, — захряхтела Ира, напряглась и снова рухнула на диван. — Не дотянуться! Извини, мне не дотянуться.

— Хрен с ней, с сигаретой. — Аня уставилась стеклянными глазами в потолок. — Я грохнулась в ванной и сломала предплечье. Он отвез меня в больницу, и доктора наложили гипс, рука на привязи оттопырилась, как крылышко. И он сказал мне: «Бедный, бедный гусенок — сломанное крылышко». Так и сказал: «Бедный, бедный гусенок». Какой он был милый, этот Женечка Беленский.

²¹ Достаточно, надоело! (здесь и далее англ.).

— Чувство юмора будто только у твоего Жени... У Феди что, нет чувства юмора?

— У Феди?

— Да, у Феди.

— Кто его знает, этого Федора. Любит смотреть «Крокодил», «Работницу», смеется. Карикатуры любит. Если не на начальство, — Аня сняла стакан, приподняла голову и отпила глоток.

— Этого мало, это еще не все, — сказала Ира.

— Чего мало?

— Если человек веселый и умеет смешить.

— Как это мало? Это как раз то самое. Что мы с тобой в монашки записались? Живем, Ириха! Надо жить весело, что еще надо?

Ирина захохотала:

— Не, чесна, ты меня уморишь, уже уморила...

— Боже мой, мама моя, ты говоришь, я тебя уморила? А вот он на самом деле был уморительный, до чего же он был уморительный! А иногда — ласковый и нежный, очень даже ласковый. Не липкий и назойливый, как все эти прыщавые студенты. Однажды мы ехали сидячим поездом в сторону Рыбинска. Это случилось как раз перед его поездкой в горы. Вагон не отапливался, и мы укрылись моим пальто. А на мне — пушистые вязаные рейтузы, помнишь, такие серые толстые рейтузы?

Ира кивнула, но Аня даже не обратила на это внимания.

— И вот его рука очутилась у меня на животе. Само так получилось — прямо внутри рейтуз. А он и говорит: «У тебя животик жирненький, но до чего сладкий. Прямо фуа-гра — сломанное крылышко». Но у меня тогда рука уже была совсем целая. А я спрашиваю: «Почему фуа-гра?» — «Потому что у тебя белая длинная шейка, как у гусенка, а сама ты такая вкусная — так бы и съел». А потом вошел проводник, подозрительно посмотрел на нас и почему-то погрозил пальцем. А Женя вдруг как закричит: «Выпрямитесь, стойте прямо, подтяните живот, раз уж вы надели железнодорожную форму. Где ваше достоинство? А не можете — идите работать ко чегаром!» Вот так он отчитывает проводника... но руку из рейтузиков не вынимает. Проводник вдруг скис, спекся, как говорят, и отвечает так растерянно: «Ну, если все в порядке, я пошел, спите, молодые люди».

После некоторой паузы Аня добавила:

— Конечно, это неважно, что он говорил. Важно — как, это действительно важно.

— А ты своему Федору рассказывала об этом?

— Феде? Вообще-то он знает о Женьке. Что был такой знакомый. Упоминала, даже фото показывала. Ну, не там, где мы вместе. А Федька... Знаешь, что он спросил? Кем тот работает? В смысле должности.

— А он закончил тогда универ? Да? Ну, и кем он работал?

— И ты, подруга, туда же...

— Ну что ты, к слову пришлось...

Аня рассмеялась. Смех у нее был очень женственный... Звонкий и одновременно грудной и глубокий.

— Женя считал, что он вообще-то продвигается по службе, но почему-то в обратном направлении. Перед самой той поездкой в горы он и вообще потерял работу в лаборатории, работал истопником в котельной, потом спасателем на лодочной станции. Много свободного времени... Ему это нравилось, читал разную литературу. Он сказал как-то, что если считать его военнотружущим от науки, то из знаков отличия у него остались только одна медная пуговица на пузе и следы от погон на обгоревших плечах. Так он сказал.

Аня посмотрела на Иру, та даже не улыбнулась.

— Разве не смешно?

— Почему не смешно? Смешно, — мрачно сказала Ира. — А почему ты ничего не рассказывала о Женечке своему Федору?

— Почему — потому! Этот Федя — деревянный тупица. Ходячая схема, а не мужчина. Вегетарианцем заделался, все свободное время... Капусту, морковь трет. Ему бы только морковь есть — в кролика превратился, скоро глаза красными будут. А ты, пампушка, небось деловой себя считаешь. Я — невеста, я — невеста! — передразнила она подругу. — Если еще раз выйдешь замуж, никогда не говори мужу о своих увлечениях. Поняла?

— Это еще почему?

— Слушай меня, я плохого не посоветую. Говори что угодно. Очень откровенно. Можешь даже цинично. Но только не правду. Правду — никогда, ни за какие пряники, даже под пытками. Предположим, ты рассказываешь, что был роман с хорошеньким мальчиком — скажи, что он был слащавым, если с могучим мужчиной — скажи: просто конь, бык-производитель, если с умным — скажи, что мужчина никакой, веселого назови балаболом, поэтичного назови наивным, смелого — развязным, решительного — авантюрным. А не скажешь — муж не простит, будет всю жизнь вставлять тебе шпильки. Выслушает тебя с умным видом, а потом будет пинать и попрекать при каждом удобном случае. Не верь, что он умный. Как бы он ни прикидывался. Не ведись. Держи свою линию. Иначе твоя жизнь превратится в ад. Вот так вот, деловая ты моя малышка. Жизнь прожила, а в мужиках разбираться не научилась.

Ира расстроилась, погрустнела, подняла голову с диванной подушки и оперлась щекой на ладонь руки. Мысли путались, она напрягалась, но ей никак было не разобрататься в «мудрых» советах подружки и совсем непонятно, в чем это она так и не научилась разбираться?

— Ты хочешь сказать, что твой Федор на голову слаб?

— А что еще я могу сказать?

— А разве он не умный? — пропищала Ирочка невинным голоском.

— Слушай, давай не будем портить друг другу настроение. Что попусту мусолить — умный, неумный — пустая болтовня...

— Чего же ты его охомутала?

— Боже мой, Господи, что она такое мелет? Да я-то почем знаю, почему я за него замуж пошла. Говорил, что любит Толстого и Паустовского. Что это его любимые писатели и они очень сильно повлияли на его жизнь. А потом оказалось, что ни одного их романа не прочел. А любит Николая Островского и Фадеева. То, что в школе впахивали. Вот, мол, написано о жизни настоящих людей. Только бы покрасоваться: «Вот это люди, вот это эпоха, потрясающая литература!»

— Тебе лишь бы гадости о муже говорить. Твой Федя — очень приличный человек. А литература эта... Что в ней плохого? «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия». Конечно, прошедшая эпоха, но ведь это наша история...

— Ни черта хорошего в этой литературе нет. Советская пропаганда, вчерашний день, можешь мне поверить, — сказала Аня, потом подумала и добавила: — У тебя хоть работа есть. А я осталась ни с чем. Хоть работа...

— У тебя ведь тоже работа, своя фирма по медицинскому оборудованию. А захочешь — пойдешь в Дорстрой, ты ведь кандидат «дорожных» наук... И вообще умная, все на лету хватаешь...

— Медприборы! Купи-продай, тоже мне дело всей жизни! А дороги... Щебень, геотекстиль, трамбовка, обочины, присадки, асфальт — как романтично! Не то что у тебя — симпозиумы, совещания, породистые люди, шикарный антураж...

— Послушай, нет, ты послушай меня. Может, все-таки расскажешь ему, что Женя погиб? Не сейчас — когда-нибудь. Не станет же он ревновать, если узнает, что тот погиб.

— А тебе-то это зачем?

— Да ни зачем. Просто непонятно. Какие у тебя могут быть секреты от Федора? Тебе же легче станет.

— Смешная ты, моя невинная малышка. «Деловая!» Легче, как же... Будет только хуже. Ну, он, к примеру, знает, что я встречалась с каким-то физиком. Зачем мне говорить, что тот погиб? Ни за что не скажу. Почему я должна ему говорить об этом? Глупая идея — исповедоваться мужу... Особенно такому деревянному. Он же из меня всю кровь выпьет. Знает, что был когда-то дружок — остряк доморощенный. Если и скажу, хотя это вряд ли, скажу, что дружок заболел и умер, не буду говорить, что погиб...

Ира подняла голову, потерла рукой за ухом.

— Ани...

— Чего тебе, пампушка?

— Почему ты не расскажешь мне, как Женя погиб? Ты знаешь, я никому не скажу... Честно-перечестно...

— Нет!

— Честное благородное, никто не узнает. Я тебя не выдам.

— Я знаю, ты расскажешь Вахтангу Кикабидзе или в крайнем случае — Гоче. Встретишь Вахтанга, отдашься — и все ему расскажешь.

— Ну, хватит трепаться, Ани, ты же знаешь — никогда и никому.

Аня села на пол, долила себе ликера. Поставила стакан между ног около ступней.

— Эх, был бы Женька жив... Может, все пошло бы по-другому. Хотя вряд ли. Рассмешить он умел... Но почему-то в жизни у него все шло в обратном направлении... О чем это я? А, да-да, жаль Женечку... Помнишь, он ведь занимался альпинизмом, как все эти чертовы физики. Его подбили братья Гришковичи «сбегать» на пик Коммунизма в Средней Азии. Может, и не Коммунизма, а Социализма, хрен разберет. Братья — крохотные, но сильные и опытные, вот он им и доверился. Еще с ними была женщина-спортсменка. Так вчетвером и пошли. Маршрут не подготовили, группу не зарегистрировали, никого не оповестили... А на третий день подъема началась пурга. Что там у них произошло — неизвестно. Но только после снежного шторма вниз спустились только двое — братья Гришковичи. Через год отыскивали тело женщины. А Женьку так и не нашли...

Аня наклонилась головой вперед, крепко сжала пальцами пустой стакан и заплакала. Ира съехала с дивана, подползла к Ане и стала гладить ей голову.

— Бедная моя девочка, не плачь, не надо...

— Разве я плачу? Да, да, понимаю... Зачем я плачу? Это было так давно. Теперь уже совсем плакать ни к чему. Что там за шум на кухне? Ирочка, сходи, посмотри, что они там делают?

— Хорошо, хорошо, я все сделаю. Только не плачь, обещаю, что не будешь плакать.

Ира взяла стакан и, пошатываясь, пошла на кухню. Вернулась вместе с Олей. Аня откинулась назад, теперь она уже лежала на спине и сморкалась в платок. Не отнимая платка, спросила у дочери:

— Ну, что — все оговорили с Натальей, всем кости перемыли?

Ира заползла на коленях под стол, тщетно пытаясь разыскать непослушные, вечно исчезающие сигареты. Аня тем временем продолжала:

— Вещи-то собрала, ничего не забыла? Ну, говори, когда спрашивают.

— Я пошла.

Аня скомкала платок, с трудом села, схватила Олю за ногу.

— Дай ногу! Нет, ты сядь, слышишь... Поговори с матерью... Ответь мне. Опять к своему папику намылилась?

— Дался тебе мой папик, что ты знаешь о нем? Это необыкновенный человек... Ну, как тебе объяснить? Все равно ведь не поймешь... Он — человек слова, на него, по крайней мере, положиться можно... А ты все лезешь и лезешь, отстань — что хочу, то и делаю.

— Как же, необыкновенный — толстый, старый бандюган, наглец и проходимец. «Что хочу, то и делаю!» Это я для тебя все сделала.

— Тебя никто не просил об этом. Я не только учусь... В Райффайзенбанке работаю, зарабатываю получше, чем ты в Дорстрое, между прочим... Можешь все взять назад — забирай... Квартиру, машину... Возьми, раз тебе надо. Сожри, проглоти, только не лопни. Довольна? А с папиком моим... Успокойся, его уже нет. Он умер. «Умер» — твое любимое слово, не так ли? Его убили ассасины... Книги читать надо, не в деревне живешь... Он раздулся, как шар, и улетел... Короче, считай, что он для меня умер, довольна? — Оля выдернула ногу и выбежала на лестницу, хлопнув дверью.

— Конечно, я довольна, что мне делать? Всем, всем довольна. Я ведь для тебя, дочка, лучшего хочу. Ты же Бакширова, черт бы тебя побрал, ты должна жить достойно... Как положено Бакшировым. Мать для тебя не авторитет, для тебя авторитет служанка... деревянный папа, из которого я сделала человека, — кем бы он стал, если б не я? Тебе нужны эти дети люмпенов с танцулек, бандюганы-качки. Люмпены и дебилы, босяки и холопы. Недаром говорят: «холопское хамство». Твой папик — тот же люмпен, режиссерка — люмпен. Разве они в состоянии что-нибудь сделать сами, придумать, организовать? Им все: дай-дай-дай — мало, дай еще! Отнять и поделить... Тьфу-у-у! Она меня не слышит. Ушла... Кому нужна эта ваша демократия? Избирательное право надо оставить только тем, кто своей головой сумел чего-нибудь добиться в этой жизни... Мать родная уже не авторитет ей. Брось-ка мне сигарету, Ирочка! И давай еще выпьем.

Ирина подала сигарету.

— Оля — прелесть. Нет, ты только подумай, как она об этом папике — необыкновенный человек! Амбал Амбалыч! Глаза завидующие, руки агребущие — вот это фантазия! С характером девочка.

— С характером, да не в ту сторону характер этот. Сходи на кухню, налей нам. А лучше возьми всю бутылку. Не могу я туда идти, там противно так пахнет вареной курой... И не хочу я эту Наташку видеть. Тоже мне режиссер. Так у нас везде — никто не хочет делать обычную работу. А говорить и руками по воздуху разводиться... мы все мастера.

* * *

В половине двенадцатого зазвонил телефон.

— Алё, алё! Это ты, Джей? How are you? Черт бы тебя побрал, чертов ирлашка, мне спать пора, — а ему что до этого? — у него на три часа меньше, ему в самый раз, ему поболтать захотелось, языком почесать. What do you want? We have discussed already everything²². Ах, ты соскучился, мерзавец, ты понял, что ошибался?

²² Что ты хочешь? Мы уже обсуждали все это.

Конечно, ошибался! Ты осознал, хочешь, чтобы я стала полноправной хозяйкой особняка в Эспоме? Делаешь мне предложение? Well! I'm coming back²³. Приму ли я твое предложение? I'll have a look, it depends... I'll see your behavior²⁴... Черт побери, скотина, согласился все-таки. Очнулся... Долго не понимал своего счастья, а теперь понял наконец... Конечно, вернусь. I'll take a flight and immediately call you! Kiss you, my darling!²⁵ Ну погоди, Джей. Побегаеть теперь, теперь-то я с лихвой отплачу за это твое «не входит в мои планы». Погоди, погоди. Стану миссис Уорд... Попробую еще и до Майкла добраться... Ну, конечно, не до принца — кишка тонка — а до Нордингтона... Почему бы и не попробовать?

Аня почему-то опять заплакала, размазывая по лицу слезы и остатки боевой раскраски. Отчего эти слезы? Все теперь хорошо! Анна успокоилась, привела себя в порядок, сняла трубку и решительно приступила к делу:

— Значится так, Федя. Ты уже дома, вернулся-таки? Рраз-два — левой? На такси? Да мне-то что? — будет сейчас, как маленький, все подробно объяснять... Молодец, молодец, Федя! Приеду утром... Собери мой чемодан. Все вещи, ты знаешь, что надо. Ну, конечно — не один чемодан, два больших чемодана! Куда, куда! Завтра приду и сразу полечу в Англию. Новый контракт, дурачок, — на несколько лет. Разберусь на месте — отпишусь, по скайпу поговорим. Буду вице-президентом фирмы... С фактическими правами президента. Вице-президент — но круче, чем президент. Кто от такого контракта откажется? Возьми мне билет на завтра... Ты сам и купишь. Виза есть. Как обычно, ты знаешь — бизнес-класс... Отвезешь в аэропорт. Так, нечего хныкать. Мне тоже нелегко, я же не плачу. Потерпи, я приеду через полгода... В отпуск. Смотри, чтобы здесь все было в порядке. За тебя я спокойна, ты все сделаешь правильно. Да, потерпи... В крайнем случае — любовницу заведи. — Как же, этот мозгляк даже на такую безделицу не способен... — Шутка. Ну, хватит, Федя, ты сам знаешь — так надо. — Аня рыгнула и продолжила: — А вот Оле придется помочь. По-мочь, засранец... Ну, ладно, извини, погорячилась; не выступай — это фигура речи такая... Ты с ней, с Олей, — душа в душу, вот и помогай... Все говорите и говорите друг с другом, ля-ля — тополя. А надо реально помочь девочке. Как чем? Избавить, например, от папика толстозадого. Не серди меня — все равно делаешь, как скажу. Свяжешься с Василь Василичем. Ну, тот, к кому ты меня всегда ревновал. Я же не виновата, что нравлюсь ему. Я вообще нравлюсь мужикам... Да, он из каких-то органов. Не из ЧК. Контрразведка, наверное, или что-то в этом духе. В общем, скажешь ему, что надо поработать по Олиному папику. Он сам знает, что надо делать — найдет компромат, свяжется с кем нужно... с его женой, с органами, если потребуется... сообщит, что папик не дружит с законом — это самое простое, нарушения всегда найдутся... А может, и скелеты в шкафу... В общем, он умеет все это по-тихому обтяпывать. Федя, не серди меня. Уже поздно, я очень устала, слушай, что тебе говорят. Я не плачу, это нервный тик... Никаких расчетов. Мы с Василь Василичем свои люди. Скажешь, что Анна вернется с Туманного Альбиона, рассчитается натурой. Какой ты, Федька, распушенный — шучу я. Просто фигура речи... В ресторан с ним схожу, например. Причем за его счет. Понял, дурашка? Вообще-то я надеюсь на тебя. Чтобы все было готово, когда приеду... Ну, целую, до завтра. А Олю береги. Я тебе за Олю голову оторву. Кстати, ты пробовал когда-нибудь фуа-гра? Дурак! Ты даже не представляешь, как это вкусно. Почти так же вкусно, как быть моим мужем. Не понял? Тебе еще нравится спать

²³ Хорошо! Я возвращаюсь.

²⁴ Я посмотрю, это зависит от... Посмотрю на твое поведение...

²⁵ Я возьму самолет и немедленно позвоню тебе! Целую тебя, дорогой!

со мной, болван, или уже все равно? Ну, так это почти так же вкусно. Гуд бай, мой друг, гуд бай! Когда умо-о-олкнул все пе-е-есни, которых я-я-я не знаю...

* * *

Опять зазвонил мобильник. Анна очнулась, посмотрела на часы: начало девятого... Не утро, еще вечер... Что-то я не поняла... Приснилось, что ли, про этого рыжего? Тьфу, даже вспоминать противно! Ира Гнатова спала на диване, уткнувшись лицом в подушку. Аня в темноте пыталась нащупать туфли — безрезультатно. В одних колготках, раскачиваясь, медленно и торжественно она двинулась в сторону истерично взвизгивающего телефона. Свет не включала...

— Алло... М-м-муженек аб-бъявился. Нет, я на работе... Слушай, я не могу отсюда выехать, придется здесь переночевать. У нас есть служебные ап-п-партаменты. Приехала Ира Гнатова, она загородила выезд, а ключ... Видимо, уронила в грязь. Мы двадцать минут ползали в снегу — ничего не нашли. Кому я десять минут пытаюсь что-то объяснить? Конечно, я забрать тебя не смогу, сам, сам... Доберись, как можешь. Водителей отпустил? Вот это зря! А что, товарищи по работе не могут подвести увважаемого замначальника отдела министерства? Вовка с Артемом, например. Ах, вот как — жаль, жаль! Знаете, что, мальчики, встаньте шеренгой — раз-два-левой, левой! А ты — за командира... Острию? Ничего я не острую — нервный тик, у языка тоже бывает нервный тик, в общем, на нервной почве — хватит рассусоливать, отбой, мой милый, чао-какао!

Аня не совсем уверенным шагом возвратилась к окну, нашла бутылку, вылила остатки в стакан, вдохнула, выпила залпом, вздрогнула, передернула плечами — бр-р-р! — и плюхнулась на кушетку.

Кто-то включил свет, Аня очнулась.

— А, это ты, Натахен? Ужин будет чуть позже, что-то я не в форме.

Высокая, голенастая Наташа стояла в двери, свет освещал ее сзади — то, что делалось в столовой, Наталье было видно не особенно отчетливо.

— Ваша гостя уже ушла, Анна Дмитриевна?

— Нет, пока — она, похоже, тоже не в форме. Так что попозже... и на двоих. Я имею в виду ужин. А может, и не будет ужина.

— Да я спросить хотела. Моему мужу нельзя переночевать здесь? Ему завтра на работу можно не так рано, как обычно, а погода — сами знаете, хуже некуда. Мы в моей комнатке разместимся... Без проблем.

— Не поняла, а где он, здесь, на кухне? У вас, Натхен, все без проблем, никаких, на хрен, у вас нет проблем.

— Так что — нельзя?

— Нет, нельзя. Что, у меня гостиница?

— Не поняла.

— Чего тут понимать? Ему ночевать здесь нельзя. Потому что это моя квартира. Квартира, а не гостиница.

Наташа застыла, она, видимо, ожидала другого ответа.

— Хорошо, Анна Дмитриевна. Как скажете, — задумчиво сказала она и удалилась на кухню.

Анна повернулась в сторону прихожей. На пороге лежал одинокий Олин сапог. Видимо, выпал из сумки, когда Оля вырывалась из объятий матери. Анна подняла его, долго рассматривала, потом с силой швырнула в сторону выхода. Сапог глухо ударился о косяк и шлепнулся на пол прихожей. Аня включила в столовой свет

и долго держалась рукой за выключатель, будто боялась упасть. Так она простояла минуту, уставившись стеклянным взглядом на свой мобильник, потом отклеилась от выключателя, торопливо взяла телефон и села в кресло.

— Оля, ты уже дома? Сегодня одна, не пошла к своему папику? Вот это правильно. Да знаю я ваших папиков. Всё самоутверждают. Этот твой... Чтобы сказать потом друзьям: «Ездил на Родос с малышкой на двадцать лет младше меня». Небось, как и все, бегаёт в клуб «Сто пудов», не знаешь? — ну, где за умеренную плату можно взять невообразимую толстуху. Ему баба нужна в сто пудов. Или десять по десять. Не такая же тощая селедка, как ты. Да еще и злобная. Ишь как на мать бросаешься... Думаешь, я тебе плохого желаю? Твой папик — такой же люмпен, как и твои прыщавые мальчишки на танцульках. Чего ты туда таскаешься? Балерины из тебя все равно не получится. И от папика твоего тоже ничего хорошего не дождешься. Разве что дурную болезнь подхватишь. Лучше бы он умер. А ты не злись... И не кричи. И нечего рыдать, мать тебе дело говорит... Я хочу, чтобы ты счастлива была... Чего молчишь? Бросила трубку, стерва!

Анна потушила свет, стала у двери в освещенную прихожую, долго смотрела на сапог дочери, потом рванулась к нему, за что-то зацепилась, упала, ударилась рукой о косяк. Вначале боли не почувствовала. Внезапно боль охватила всю ее руку — от кисти до плеча, как тогда в молодости. Не вставая, она вытянулась вперед, схватила сапог, судорожно прижала его к себе. Кашляла, икала, плакала, слезы ручьем лились на пыльное кожаное голенище.

— Бедный, бедный гусенок — сломанное крылышко! Бедный гусенок! — повторяла Анна снова и снова. — Бедное фуа-гра — сломанное крылышко!

Поставила сапог у стены — аккуратно, подошвой вниз, вытерла рукой пыль с голенища. Снова прижала сапог к себе, гладила и целовала светло-серое голенище. Почему она все бежит куда-то, не может остановиться? Когда это все кончится? Ну, дал ей разворот Джей. Обидно, конечно... Что ей этот Джей... Ирлашка никудашный... Ничего-то она к нему не чувствует. И никогда не чувствовала. Наташка, режиссерка, — приличная, интеллигентная — чего на нее бросаться? А Оля... Дочка ведь... Пытается своим умом жить. Ну, не хочет она, как я. О Феде и говорить нечего. Все-то я его грязью... А он видит и понимает. Золотой человек... Любит меня, принимает такой, какая есть. Взбалмошную, с капризами, закидонами... Кто еще такую терпеть будет? И что это за речь у меня, откуда это все взялось, будто продавщица из сельмага... — Пошатываясь, вернулась в столовую, стала будить Иру Гнатову.

— Что? Кто это? — Ира резко поднялась и села на диване.

— Слушай меня, Ирочка, дорогая, — Аня шептала, сбивалась, всхлипывала, снова повторяла. — Слушай меня... Помнишь наш первый вечер в университете? Первый вечер... Маринка, моя тогдашняя подруга, сшила мне платье из матрасной ткани. Сделала складочки на красных полосках и прострочила... Получилось, будто марлевка в рубчик... И по фигуре так подогнала, и сточка, и погончики... Эта моя тезка — Анька Камозо, которая считалась первой красавицей курса, — она пришла в красном платье, размалеванная, как кукла... с ярко-красной помадой... За ней тогда увивались Жариков и Батулин, баскетболисты из команды мастеров... А Батулин — еще и боксер! Оба — дубины безмозглые. Выступали — красовались, все для нее, для Аньки Камозо. А она глаз на мое платье положила, да так напирает, и говорит мне очень нахально — мол, марлевка из Франции, зачем тебе она? — куплю за тридцать баксов. Тогда это считались деньги о-го-го, будь здоров! А я ей... как врезала: не расстанусь с платьем ни за какие деньги, вот и все! В тот вечер я всем мальчишкам нравилась, а девки завидовали. Тогда и Женька, он уже работал, на вечеринку прибежал. Целовались в вестибюле, он мне в сто раз был

милее, чем эти «центровые» Жариков с Батуриным. А Камозо напоследок сказала мне, что платье старомодное и таких платьев уже никто не носит. Я вернулась домой и весь вечер проплакала, не знаю отчего. То мне казалось очень обидным, что платье немодное, а то, наоборот, чувствовала себя счастливой от того, что все на меня смотрели на вечеринке, и Женька мне очень понравился, — Аня схватила Иру за плечо, встряхнула раз, другой, встряхивала несколько раз и спрашивала умоляюще: — Ира, Ирочка, я была тогда хорошая, ну скажи — правда ведь — я была тогда хорошая?

Казалось — на всю квартиру, на всю лестничную площадку, на весь слякотный, заснеженный и заледеневший новый московский микрорайон разносился истерический крик, переходящий в пьяное рыдание:

— Ну, скажи... Скажи, Ирочка... И-и-р-рочка! Правда ведь, ведь я тогда хор-р-р-о-ошая была?

* * *

В половине двенадцатого вновь зазвонил телефон. На самом деле, не во сне. Но это был Джей. Как в том сне.

— Ани, дорогая, я бы хотеть you быть host мой castle.

— Соизволил, мерзавец? Вот так-то. Заруби себе на носу — Бакшировы всегда добиваются своего.

Джей ничего не понял, он ведь почти не говорил на русском.

— What is мерзантайбл? No difference! Хорошо, хорошо, дорогая! No сомневаться — Джей сделать всё тот, что Ани хотеть...